ИСТОРІЯ
О
КОРАБЛЕКРУШЕНІИ
И
ПОРАБОЩЕНІИ
Г. БРИССОНА,

бывшаго Офицеромъ при управленіи Сенегальскихъ колоній;

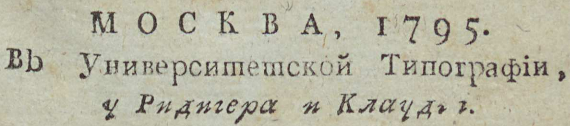
Съ описаніемъ Африканскихъ степей, отъ Сенегала до Марокка.

Съ Французскаго перевелъ
ИЛЬЯ ГРѢШИЩЕВЪ.

Felix, qui patriis aevum transegit in agris;
Illum non vario traxit fortuna tumultu.

т. е.

Щастливъ, кто краткой вѣкъ въ своей отчизнѣ прожилъ;
Рокъ многими его напастьми не тревожилъ.



МОСКВА, 1795.
Въ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.

ОДОБРЕНІЕ.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ, я читалъ сію книгу, подъ заглавіемъ: *Исторія о Кораблекрушеніи*, и пр. и не нашелъ въ ней ничего противнаго наставленію, данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оная и напечатана быть можетъ. — Логики и Метафизики Профессоръ и печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ Ценсоръ,

Андрей Брянцевъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Я сожалѣю о всякомъ человѣкѣ, котоpой находитъ случай говорить о самомъ себѣ; но между тѣмъ пишу исторію моего кораблекрушенія и плѣна! По простотѣ моего слога и по слабому моему выраженію удобно всякой распознаетъ, сколь мало домогаюсь я названія и славы сочинителя: я не ищу такъ же печальнаго онаго утѣшенія, чтобъ другіе воздыхали о моемъ жребіи. Безпристрастный читатель и другъ человѣчества отдастъ справедливость моимъ намѣреніямъ. Онъ узнаетъ, что я почиталъ за нужное обнародовать сію исторію для того, дабы предупредить другихъ отъ подобныхъ моимъ нещастій. О естьлибы могъ я въ томъ имѣть желанный успѣхъ! и подая истинное понятіе о слабости весьма страшнаго Государя (*), могъ воспрепятствовать Европейскимъ Державамъ, доставлять ему способы, служащіе ко вреду ихъ подданныхъ и торговли! Впрочемъ я буду и тѣмъ доволенъ, что объявлю о моихъ произше-

* 2

(*) Мароккскаго.

шествіяхъ и отдамъ отчетъ въ примѣченномъ мною. Я оставляю моимъ читателямъ дѣлать всякія разсужденія, кои почли бы внушенными досадою, ежели бы оныя самому себѣ позволилъ.

Можетъ быть иные будутъ удивляться, что сіе сочиненіе не прежде могло издано быть въ свѣтъ, какъ въ 1789 году; то есть спустя слишкомъ два года послѣ моего порабощенія... И такъ вѣдай, любезный мой Читатель, что я не давно еще окончилъ въ Кадиксѣ карантинъ, что не видалъ еще ни моего отечества, ни нѣжной, почтенной и обожаемой мною супруги, хотя и писалъ уже къ Г. Маршалу Кастри, Адмиральтейскому Министру, ожидая его приказаній ко вторичному отъѣзду въ Сенегалъ, и что обязанный новымъ препорученіемъ, опять отправился я на кораблѣ въ Гавръ де Гаграсѣ 6 Маія 1787. Въ сей разъ я имѣлъ щастіе прибыть безъ всякаго злоключенія въ островъ Св. Лудовика, гдѣ удостоенъ былъ столь лестнаго посѣщенія, что не могу тебя объ ономъ не увѣдомить.

Г. Спарманъ, Докторъ Медицины и Профессоръ Натуральной Исторіи, из-

извѣстный уже по своимъ путешествіямъ съ славнымъ Капитаномъ Кукомъ, пришелъ нѣкогда ко мнѣ въ Сенегалѣ съ Г. Вадстромомъ своимъ соотечественникомъ. Сіи два знаменитые иностранцы извѣстивъ напередъ о себѣ, говорили мнѣ, что они пріѣхали изъ Гореи съ тѣмъ единственно намѣреніемъ, что бы посовѣтовать со мною и услышать отъ меня извѣстія о тѣхъ странахъ, чрезъ которыя проѣжжалъ я въ Африкѣ. Симъ способомъ хотѣли они облегчить проходъ свой въ Мароккъ переправляясь чрезъ степи и чрезъ области Галамъ, Бамбу и Бонду. Я имъ говорилъ, что они никакъ не успѣютъ въ предпринимаемомъ ими путешествіи, ежели не найдутъ сперва Арапа, которой бы добровольно обязался ихъ провожать. Сіе предпріятіе не льзя бы было почесть удобнымъ и въ такомъ случаѣ, когда бы они и обрѣли сего человѣка; ибо отъ нихъ необходимо требовалось, чтобъ они, избѣгнувъ кораблекрушенія, сперва избрали себѣ одного покровителя изъ Араповъ, были къ нему привержены и имъ самимъ любимы; чтобъ ходили вмѣстѣ съ нимъ нагіе и были непрестанно подвержены днемъ и ночью дурной погодѣ. Имъ над-

надлежало служить сему проводнику невольниками, естьли бы только встрѣтились съ другими Арапами и довольствоваться во всякое время останками пищи мнимаго ихъ Господина. Я свелъ ихъ по томъ для переговора съ Шерифомъ Сиди Мугаммедомъ, имѣющимъ пребываніе свое въ Сенегалѣ; но и онъ не взирая на свое достоинство, приводящее его въ безопасность отъ безчисленныхъ страховъ и досадъ, признавался имъ, что никакъ не можетъ отважить себя на опасности преднамѣреваемаго ими путешествія. Послѣ таковыхъ разговоровъ узнавъ, что имъ не возможно предпринять желаемаго пути съ надеждою и успѣхомъ, они со всѣмъ отъ онаго отказались.

Я спрашивалъ знаменитыхъ сихъ путешественниковъ, для чего они не были снабжены особенными одобреніями отъ Правительства? Но они мнѣ отвѣчали, что вразсужденіи сего пункта, не могутъ упрекать себя ни малѣйшимъ упущеніемъ; поелику они просили, да и получили одобренія и охранительныя письма, подобныя тѣмъ, кои даны были Г. Бурганвилю, Капитану Куку, Г. Пейрузу и проч. и передъ

редъ отъѣздомъ изъ Франціи простерли предосторожность свою до того, что учинили распоряженія съ Директорами Африканской компаніи:„ Г. „Кавалеръ де Буфлеръ, Губернаторъ „Гореи, коего знаемъ мы съ давняго „времени, говорили они, (ибо гдѣ имя „и дарованія его не славятся?) осыпалъ насъ ласками и учтивостію, „сообщилъ намъ столь же многія, сколь „нужныя и любопытныя свѣдѣнія, и „предлагалъ всѣ зависящія отъ него „пособія; но по отбытіи его, Агенты „компаніи отказывали намъ даже въ „малѣйшемъ снисхожденіи. Хотя вы „и природной Французъ, Г. Бриссонъ, „примолвили они мнѣ, однакожъ позвольте сказать намъ нѣчто на щетъ „исключительныхъ преимуществъ, коими столь скоро и легко жалуютъ „въ вашей землѣ. Они рано или поздно „могутъ причинить ущербъ торговли, „и слѣдовательно знатно уменьшить „Государственныя выгоды. Мы были „подателями Министерскихъ ордеровъ, но ваши откупщики ни мало „того не уважили; и такъ нашли мы „подданныхъ Монарха, выдающихъ „себя за Деспотовъ: они ожидаютъ „можетъ быть только случая здѣлаться Тираннами.„ — Я видѣлся опять

въ

съ Гг. Спарманомъ и Вадстромомъ во Франціи, по возвращеніи моемъ въ послѣднемъ Іюнѣ.

По прибытіи моемъ, Г. Маршалъ Кастри сложилъ съ себя министерское званіе, и его мѣсто занято было Г. Графомъ Делалюцерномъ. И такъ сему послѣднему Министру вручилъ я ввѣренныя мнѣ депеши. Благосклонность, съ которою онъ меня принялъ, участіе, каковое хотѣлъ взять въ моихъ нещастіяхъ, наконецъ возбужденная имъ во мнѣ надежда, что благоволеніе Короля (*) прострется и ко мнѣ, какъ къ вѣрному его служителю, ободрила меня къ сочиненію и изданію сея исторіи, которая, смѣю сказать, писана единственно по любви къ истиннѣ, къ моей отчизнѣ и человѣчеству.

О! вы, кои безъ сомнѣнія проливали слезы о мнимыхъ нещастіяхъ Клевеланда, сколь много источите оныхъ читая справедливыя страданія нещастнаго Бриссона?

(*) Сія исторія писана была еще при жизни невиннаго и вѣнчаннаго страдальца, Французскаго Короля Людовика XVI. (Примѣч. Переводчика.)

ИСТОРІЯ
О
КОРАБЛЕКРУШЕНІИ
И
ПОРАБОЩЕНІИ
Г. БРИССОНА.

Путешествія мои въ Африку стоили мнѣ многихъ безпокойствъ, досадъ, огорченій и убытковъ, какъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ 1785 года получилъ я приказаніе отъ Г. Маршала Кастри, Министра и Статскаго Секретаря Морскаго департамента, чтобы отправиться въ Сенегальскій островъ Св. Лудовика на кораблѣ Св. Екатерины, съ Капитаномъ Летюркомъ, съ тѣмъ самымъ, которой въ послѣднюю войну пріобрѣлъ себѣ великую знаменитость, начальствуя флессингуйцами.

Осмотрѣвъ всѣ страны, начиная отъ Французскихъ береговъ даже до Канарскихъ, плыли мы между сими островами и Пальмою 10 Іюля въ три часа по полудни.

Передъ отбытіемъ нашимъ изъ Франціи, старался я предварить Капитана о той опасности, которой подвергаются въ сихъ водахъ отъ сильныхъ морскихъ стремленій. Я упоминалъ ему, что всякой разъ, когда я прежде тутъ ни проѣзжалъ, страшился быть занесеннымъ къ Варварійскимъ берегамъ. Сей совѣтъ, внушаемый опытностію, долженствовалъ бы возбудить все вниманіе Господина Летюрка; по вторичномъ возобновленіи моихъ замѣчаній въ ту самую минуту, когда я примѣтилъ, что море начинало принимать свѣтлѣйшій цвѣтъ, спрашивалъ я его, не нужно ли бросить въ воду лота (*). „Чего вы опасаетесь, отвѣчалъ онъ „мнѣ; развѣ земли? но мы удалены „отъ ней на двадцать четыре мили.„

Те-

(*) Лотъ, которымъ измѣряютъ морскую глубину.

Теперь да позволено мнѣ будетъ воскликнуть противъ самолюбія и чрезмѣрной на себя довѣрчивости Капитановъ, командующихъ купеческими кораблями, а особливо тѣхъ, кои нѣсколько разъ бывали на морѣ. Сколь бы нужный совѣтъ имъ ни подавали, они никогда не хотятъ уважить онаго, и сколь бы великая опасность имъ ни угрожала, они столько полагаются на свою способность, что лучше желаютъ поправить послѣ вредъ и всѣ убытки, нежели предупредить оныя.

Второй Капитанъ далъ мнѣ почти такой же отвѣтъ: Увы! они ни мало не старались вникнуть, сколько основательны были мои опасенія.

Въ полночь я былъ разбуженъ сильнымъ порываніемъ корабля. Воображая, что мы опускаемся уже на дно, тотчасъ взбѣжалъ я на палубу. Сколь неизъяснимо было мое удивленіе, когда я увидѣлъ предъ собою нѣкоторой родъ зашейка, составляемаго каменистыми горами! но между тѣмъ всѣ корабельные служители погружены были въ глубо-

комъ снѣ. Я съ поспѣшностію разбудилъ всѣхъ людей. Спасайтесь! кричалъ я имъ, мы скоро ударимся о землю! Встревоженный Капитанъ тотчасъ является на палубѣ. Въ ужасѣ своемъ, которой раздѣляли всѣ его Офицеры, повелѣваетъ онъ управлять на мѣль. Корабль, такимъ образомъ направляемый, и притомъ увлекаемый чрезвычайною силою морскихъ стремленій, ударился три раза о песокъ, и наконецъ сталъ неподвиженъ.

Вдругъ раздается престрашной шумъ: потрясаются мачты; парусы, съ усиліемъ колеблемыя, раздираются въ мѣлкіе лоскуты, ужасъ становится всеобщимъ; вопли матросовъ смѣшиваются съ ужаснымъ шумомъ ревущаго моря, которое по видимому раздражалось, видя остановленное свое теченіе между скалами, и въ ярости своей хотѣло поглотить нашъ корабль. Уныніе является столь велико, что никто не думаетъ о своемъ спасеніи. Ахъ, жена! ахъ, милыя дѣти! кричатъ одни и другіе поднимая къ небу трепещущія руки; между тѣмъ срубаютъ

ютъ

ютъ топорами мачты, стараясь облегчить корабль. Тщетное и излишнее стараніе! Каюты наполнились уже водою.

Въ семъ нещастномъ состояніи подошелъ я къ Капитану, которой въ смятеніи своемъ не могъ ни на что рѣшиться. Тому полтора уже года, какъ Капитанъ Карсень претерпѣлъ подобное сему злочлюченіе близь Бѣлаго мыса; въ крайнемъ отчаяніи прострѣлилъ онъ себѣ голову, и чрезъ то причинилъ пагубу многимъ нещастнымъ. Я опасался, чтобъ Господинъ Летюркъ не учинилъ того же самого, и вмѣстѣ съ собою не погубилъ бы насъ. Я уговаривалъ его къ терпѣнію, старался возбудить въ немъ бодрость, но напрасно. Мы пропали бы невозвратно, ежели бы первый помощникъ, Господинъ Янъ, пассажиръ Г. Сюретъ, трое Аглинскихъ матросовъ и нѣкоторые другіе, оживленные моимъ примѣромъ, не помогли мнѣ выставить на море шлюбку и допустили ее разбиться о корабль, или потонуть въ воду. Мы принуждены бы-

ли шакимъ образомъ сражашься цѣлую ночь прошивъ разъяреннаго моря, дабы на разсвѣшѣ можно было присшашь къ берегу, избѣгая каменисшыхъ горъ, окружавшихъ насъ со всѣхъ сшоронъ.

Когда всѣ сіи предосшорожносши были приняшы, я закричалъ, чшобы бросили намъ веревки для связанія взяшыхъ вещей, и въ случаѣ, ежели благополучно присшанемъ къ берегу, можно бы было иныя ошвезши назадъ къ судну. Какъ Капишанъ, его помощники и болѣе половины его служишелей не ошваживались, первые подвергнушь себя опасносши, шо никшо со мною не сѣлъ въ шлюбку, кромѣ нѣкошорыхъ служишелей.

Едва лишь ударили веслами два раза по водѣ, какъ сіи весла приливомъ и ошливомъ влажной сшихіи вырваны были изъ рукъ гребцовъ; шлюбка опрокинулась, волны насъ разсѣяли и выбросили почши всѣхъ на прибрежіе, выключая Господина Девуаза, брата Трипольскаго Консула въ Сиріи. Я кинулся въ море, и былъ сшолько щасшливъ, чшо успѣлъ

спѣлъ его схватить и избавить отъ смерти.

Нещастные, оставшіеся на корабельномъ бортѣ, не ожидали уже отъ насъ никакой помощи: но я не умедлилъ оживить надежду въ душахъ ихъ, и снова бросился въ море, сопровождаемъ будучи Господиномъ Яномъ, коего ревность всегда мнѣ вспомоществовала. Онъ умѣлъ принудить другихъ товарищей, дабы они, присоединясь къ намъ, постарались выправить на водѣ шлюбку: въ слѣдствіе чего исполнили мы свое предпріятіе, хотя и съ великою трудностію; но сколько нашли мы себя вознагражденными, когда высадили на землю Капитана и оставшихся на кораблѣ служителей! Впрочемъ, казалось, избѣгли мы первой сей опасности только для того, дабы сдѣлаться жертвою второй и гораздо ужаснѣйшей.

Хотя я и спрашивалъ Капитана, въ какомъ разстояніи, по мнѣнію его, находимся мы отъ Сенегала; но не былъ удовольствованъ его отвѣтомъ. Почему не зная, по какой над-

надлежало мнѣ слѣдовать дорогѣ, предувѣдомилъ я нещастныхъ моихъ спутниковъ, что я ни мало не могу ласкать себя надеждою, чтобы проводить ихъ до нѣкоторыхъ мѣстечекъ Тергейскаго поколѣнія, гдѣ бы могъ быть узнаннымъ отъ какихъ ни есть Арановъ, съ которыми имѣлъ сношенія и торговлю въ Сенегальскомъ островѣ Св. Лудовика. „ Въ семъ случаѣ порабощеніе наше, говорилъ я имъ, было бы не „столь долговременно и жестоко. Я „опасаюсь встрѣтиться съ поколѣ„ніемъ Уаделимовъ и Лабдессебовъ, „которые живутъ совершенно какъ „дикіе, всегда скитаясь по степямъ, „народъ звѣрской, питающійся од„нимъ верблюжьимъ молокомъ.„

Какъ скоро отправились мы въ дорогу, то я принуждалъ моихъ товарищей всходить на каменистыя горы, дабы освѣдомиться, въ какую землю занесены мы были Провидѣніемъ. Достигши вершины, примѣтили мы превеликую долину, покрытую бѣлымъ пескомъ, по которому извивались нѣкоторыя растенія,

не

весьма похожія на отрасли коралла Сіи растенія приносятъ небольшое зерно, почти такого же цвѣту, какого горчица. Арапы называютъ его *Авезудъ*; они рачительно собираютъ сіи зерна, толкутъ ихъ и дѣлаютъ изъ нихъ тѣсто, коимъ потчиваютъ своихъ пріятелей. Вдали усматривались холмы, кои покрыты будучи нѣкоторымъ дикимъ папоротникомъ, подобились большому лѣсу.

Идучи къ симъ холмамъ, увидѣлъ я подъ моими ногами верблюжій калъ, и тотчасъ показалось стадо верблюдовъ, бродившихъ туда и сюда. Почему не оставалось болѣе никакого сомнѣнія, чтобы сія страна не была населяема людьми, и сіе открытіе нѣсколько насъ успокоило; ибо не вѣдая, какой это былъ народъ, среди котораго находились, почитали мы за щастіе приближиться къ какой ни есть селгдьбѣ; уже голодъ, начинавшій насъ мучить, мобъ бы причинить между нами несказанныя жестокости. Я зналъ лучше всякаго другаго, чего надлежало

 намъ

намъ отъ онаго опасаться, а особливо отъ жажды.

Занимаясь симъ печальнымъ размышленіемъ, примѣтилъ я вдали ребятъ, торопившихся собирать въ кучу разбѣжавшихся козъ, дабы гнать ихъ предъ собою. Изъ сего заключилъ я, что мы были уже усмотрѣны другими, и наше появленіе наводило имъ нѣкоторой страхъ. Крики сихъ ребятъ произвели тревогу на сосѣднихъ поляхъ; немедленно показались къ намъ навстрѣчу природные жители; они осмотрѣвъ насъ съ головы до ногъ, сперва раздѣлились, по томъ начали скакать и прыгать по песку, накрыли лице руками, испустили страшной вопль и ужасное вытье. Сіе долженствовало насъ довольно вразумить, что поселенцы не знали Европейскаго обращенія; ихъ тѣлодвиженія и поступки, учиненныя для осажденія насъ, не предзнаменовали ничего добраго. Чего для пошелъ я впередъ и сказалъ нещастнымъ моимъ сотоварищамъ, чтобъ они не раздѣлялись, и шли бы въ

по-

порядкѣ до тѣхъ поръ, пока не услышатъ моего голоса. Во время прежнихъ моихъ путешествій въ Сенегалъ, выучилъ я нѣсколько Арапскихъ словъ, коими чаялъ воспользоваться при семъ случаѣ. Я поднялъ сперва на палкѣ бѣлой мой платокъ, на подобіе флага: можетъ статься, думалъ я, Арапы возымѣютъ нѣкоторое понятіе о семъ знакѣ, особливо, когда между ими находятся торгующіе въ Сенегалѣ; или ежели видали они когда-нибудь корабли при ихъ берегахъ, то сочтутъ насъ за нещастныхъ Французовъ, выброшенныхъ кораблекрушеніемъ на сіе поморіе.

Какъ скоро приближились мы къ дикимъ, то нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, между прочими первый и второй Капитановы Порутчики, пустились бѣжать; тотчасъ были они окружены и схвачены за воротникъ. Въ сіе самое мгновеніе, когда солнечные лучи отразились отъ полированной стали ихъ кинжаловъ, узнали мы, что Арапы были вооружены: ибо до того времени не примѣ-

мѣчая блеска стали, подавался я къ нимъ на встрѣчу безъ всякой боязни; но какъ двое изъ похищенныхъ нашихъ нещастливцовъ болѣе не появлялись, то сколько ни старался я удерживать другихъ на мѣстѣ, но мои усилія были напрасны. Ужасъ овладѣлъ ими; они всѣ единогласно испускали крики отчаянія, и по томъ разсѣялись. Арапы, вооруженные большими тесаками и посредственной величины дубинами, бросились на нихъ съ невѣроятною лютостію. Тотчасъ увидѣлъ я однихъ израненныхъ, а другихъ раздѣтыхъ до нага и растянувшихся по песку почти безъ дыханія.

Въ продолженіе ужаснаго сего побоища, примѣтилъ я одного Арапа безъ ружья. По его платью, счелъ я его за одного изъ провожатыхъ Принца Алликури, сдѣлавшаго мнѣ нѣкогда посѣщеніе на островѣ Св. Лудовика, и я немедленно кинулся въ его объятія; но онъ, по нѣкоторомъ разсматриваніи, бросилъ на меня, на Господина Девуаза и на пя-

те-

шерыхъ другихъ товарищей, никогда со мною не разлучавшихся, презрительной взоръ, которой слишкомъ предвѣщалъ намъ о нашихъ нещастіяхъ. Онъ взялъ меня за руку, и посмотрѣвъ на нее со вниманіемъ, пересчиталъ пальцы, по томъ вложивъ въ премежутки оныхъ свои персты, качалъ много разъ головою, и наконецъ меня спросилъ: Кто ты? за чемъ сюда пришелъ? какъ ты сюда заѣхалъ? Я начертилъ на пескѣ изображеніе корабля и съ помощію нѣкоторыхъ извѣстныхъ мнѣ Арапскихъ словъ и тѣлодвиженій, далъ ему уразумѣть, что я прошу его покровительства и помощи, дабы онъ проводилъ насъ къ опредѣленному судьбою мѣсту; я примолвилъ, что за всѣ хлопоты и утружденія не премину его вознаградить; и онъ понялъ повидимому сіи послѣднія реченія лучше первыхъ; ибо тотчасъ переплелъ пальцы мои своими пальцами, изъявляя чрезъ то, что съ сего времени будемъ мы тѣсно между собою связаны, и въ то самое мгновеніе потребовалъ отъ меня обѣщанной

ной ему награды. И такъ отдалъ я ему двое прекрасныхъ часовъ съ дорогими цѣпочками, одни съ репетиціею; золотое кольцо, пару серебреныхъ колечекъ, перстень, осыпанный браліянтами, стаканъ и приборъ серебряной, и наконецъ двѣсти дватцать ливровъ наличными деньгами. Мнѣ хотѣлось замѣтить, галантерейныя ли вещи произведутъ въ немъ болѣе удовольствія, или серебро; но онъ, не медля ни мало, засунулъ свое сокровище съ великимъ раченіемъ и скрытностію за синюю рубашку, и обѣщался никогда меня не покидать. Взятая мною предосторожность для сбереженія сихъ галантерейныхъ вещей, посредствомъ коихъ надѣялся я пріобрѣсти благосклонность будущаго моего Господина, сдѣлалась для меня почти неизчерпаемымъ источникомъ печалей и огорченія.

Какъ скоро мой Арапъ привелъ въ безопасность небольшую свою добычу, то спросилъ меня, въ которой сторонѣ претерпѣли мы кораблекрушеніе? Я указалъ ему на западъ, и онъ

тот-

тотчасъ призвавъ къ себѣ своихъ сообщниковъ, сказалъ имъ, чтобъ они за нимъ слѣдовали. Изъ учтивости, съ которою они къ нему подходили, заключалъ я, что ему надлежало быть человѣкомъ очень уважаемымъ: въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ изъ числа ихъ жрецовъ, коихъ называютъ они *Талбами*.

По прибытіи къ морскому берегу, начали они издавать великіе радостные крики; но зависть, которую можно было читать на ихъ лицахъ, не укоснила возмутить ихъ умы. Они хотѣли послать насъ вплавь, для извлеченія изъ корабля уцѣлѣвшихъ припасовъ. Но мы всѣ отъ того отрекаясь говорили, что не умѣемъ плавать; почему они принуждены были плыть туда сами. Вообразить не можно, сколько стоявшие на берегу изъявляли страхъ свой, что имъ менѣе достанется добычи, нежели пустившимся вплавь! женщины особливо доходили до крайности.

Между тѣмъ слухъ о нашемъ кораблекрушеніи разнесся въ округѣ.

Со

Со всѣхъ сторонъ бѣжали алчные дикіе, коихъ многочисленность необходимо долженствовала произвести въ нихъ зависть. Топчасъ дошло у нихъ до драки, и многіе лишились жизни. Бѣшеныя женщины, немогшія расхищать корабля, бросились на насъ и вырвали у насъ послѣднее платье. Онѣ приставали наипаче къ моему кафтану, которой былъ не замаранъ и казался заслуживающимъ нѣкоторое предпочтеніе.

Господинъ мой былъ самой худой воинъ; примѣтивъ, что число Араповъ умножалось отчасу болѣе, призвалъ онъ къ себѣ двухъ своихъ сообщниковъ, и польстилъ имъ весьма искусно добычею двѣнатцати рабовъ, доставшихся ему во владѣніе. Это было наилучшее средство подобрать себѣ партію и сохранить предоставленной себѣ участокъ. Сдѣлавъ съ ними надлежащія распоряженія въ дѣлежѣ унесенныхъ съ корабля вещей, равно какъ и захваченныхъ имъ рабовъ, удалился онъ отъ многолюдной толпы, дабы обезопасить насъ отъ всякаго нападенія и обиды. Въ слѣд-

слѣдствіе чего заперли насъ въ одну покрытую мохомъ хижину, которая отстояла отъ моря болѣе мили.

Первое попеченіе нашего покровителя состояло въ частомъ осматриваніи невольниковъ, ибо онъ опасался, чтобы мы чего нибудь отъ него не скрыли. По нещастію товарищи мои не могли ничего ему сберечь, и онъ во гнѣвѣ своемъ поступалъ съ ними безъ всякаго снисхожденія. Онъ снялъ съ нихъ даже рубашки и галстуки, говоря, что ежели онъ самъ сего не здѣлаетъ, то непремѣнно здѣлаютъ другіе. Онъ хотѣлъ довести и меня до такой же самой крайности, но я подтвердилъ ему, что отъ меня отобрано уже съ лишкомъ много, и для сего оставилъ онъ меня въ покоѣ.

Я еще не зналъ, въ какомъ находились мы поколѣніи: желая о томъ освѣдомиться, подошелъ я къ моему Господину и зачалъ съ нимъ то знаками, то словами слѣдующій разговоръ: „Какъ тебя зовутъ и твое „поколѣніе, и для чего ты убѣгалъ

 „отъ

„отъ ратниковъ, подходившихъ къ „морскому берегу?“ — „Меня зовутъ „Сиди Магаммешомъ Дель-Зумомъ, я „происхожу отъ Лабдессебскаго по„колѣнія, а убѣгалъ Уаделимовъ для „того, что мы живемъ съ ними „очень не согласно. Теперь скажи „ты мнѣ о своемъ имени? Ты не „братъ ли симъ людямъ?“ (указывая на моихъ товарищей). Хотя я и отвѣчалъ на его вопросы, но весьма опечалился узнавъ, что попался въ руки самыхъ безчеловѣчныхъ жителей, скитающихся по Арабскимъ степямъ. Съ сего времени предвидѣлъ я, что мы будемъ претерпѣвать мученія и досады до самаго нашего освобожденія. . . . Ахъ! можно ли этому когда нибудь сбыться? Увы! я не могъ уже надѣяться свободы.

Мои опасенія были весьма основательны. Господинъ нашъ, по зарытіи въ песокъ не большаго полученнаго отъ меня сокровища, возвратился на морской берегъ, желая достать себѣ участокъ отъ расхищенія корабля. Во время отсутствія его, тол-

толпа Уаделимовъ осадила наше убѣжище. Они расхищаютъ, грабятъ, все разрушаютъ, схватываютъ насъ, иныхъ за горло, другихъ за волосы; двое изъ нихъ приближались ко мнѣ, взяли меня за руки и влекли то въ ту, то въ другую сторону. Небольшой остальной мой уборъ становится предметомъ бѣшеной ихъ зависти. Кромѣ сихъ прибѣгаютъ еще другіе, окружаютъ меня, рвутъ, тащатъ въ разныя стороны; и по снятіи съ меня рубашки и галстука, отталкиваютъ меня къ песчанымъ кучамъ; тутъ производятъ надо мною всякія ругательства; я думалъ, что уже наступаетъ роковый мой часъ, и я издохну подъ ихъ ударами; веревки, пріуготовленныя ими для связанія меня, казалось, возвѣщали послѣднюю мою минуту. Но когда находился я въ семъ жестокомъ смятеніи, то одинъ изъ сообщниковъ моего Господина прибѣжалъ къ намъ почти безъ дыханія. „Остановитесь! „кричалъ онъ симъ варварамъ, вы „учинили въ хижинѣ Сиди Магаммета нашего Тальбы неслыханныя

„же-

„жестокости. Не довольны будучи „тѣмъ, чтобы присвоить себѣ чужаго невольника, вы въ бѣшенствѣ „своемъ потоптали ногами священныя книги религіи, жрецъ вознегодовавъ на безчинной и хульной „вашъ поступокъ, требовалъ себѣ „удовлетворенія у стариковъ обѣихъ „поколѣній, кои собрались уже судить виноватыхъ въ полномъ совѣ„тѣ. Повѣрьте мнѣ, ежели вы „возвратите ему одного невольника, то это будетъ единое средство къ укрощенію гнѣва его и къ „предупрежденію всѣхъ нещастныхъ „слѣдствій (1).“ Сіи угрозы произвели желанное дѣйствіе, котораго ожидалъ посланный Магамметовъ. Я отданъ былъ опять въ его руки безжалостно поступившими со мною варварами, но меня разлучили съ моими товарищами. Сей посланный тот-

(1) Я не зналъ еще столь хорошо по Арабски, чтобы могъ разумѣть сей разговоръ, равно какъ и многіе другіе, кои буду ниже приводить; но когда довольно научился сему языку, то заставлялъ моего Господина все сіе повторять.

тотчасъ повелъ меня съ собою, дабы предать меня новымъ мученiямъ.

Нуегемъ (такъ назывался мой освободитель) немедленно привелъ меня къ тому мѣсту, гдѣ собранъ былъ совѣтъ степныхъ стариковъ; какъ скоро онъ меня представилъ сему сонмищу, то началъ говорить: „Вотъ невольникъ Сиди Магоммета; „я ходилъ за нимъ цѣлой день, да„бы не потерять его изъ виду; по „многихъ утружденiяхъ и опасно„стяхъ, я вырвалъ его изъ рукъ по„хитителей. Теперь требую его се„бѣ въ замѣну моихъ попеченiй, да„бы онъ составлялъ число принад„лежащихъ мнѣ невольниковъ. Я тѣмъ „болѣе имѣю надъ нимъ притязанiя, „что видѣлъ его вручающаго своему „Господину имѣнiе въ великомъ коли„чествѣ, которое мнѣ казалось весь„ма драгоцѣннымъ.“ Въ ту самую минуту начало подходить ко мнѣ множество женщинъ и дѣтей; они осматривали меня со вниманiемъ и кричали всѣ вмѣстѣ *есъ рей*!

Сиди Магамметъ, взбѣсясь на Нуегема, осмѣлившагося объявить о его

 сокро-

сокровищѣ и намѣреніяхъ, бросилъ на него презрительной взоръ, взоръ воспламененный яростію и тотчасъ сказалъ: „ Хотя бы сей Христіанинъ „ былъ рей или нѣтъ, но онъ мнѣ „ принадлежитъ по праву; онъ самъ „ кинулся въ мои объятія, я обѣщал- „ ся ему покровительствовать и про- „ водитъ его къ Принцу Алликури. „ Я далъ ему въ томъ мое слово, и „ надѣюсь, что собраніе умѣетъ въ „ пользу правъ моихъ различить „ человѣка съ такими достоинства- „ ми, каковъ я съ негоднымъ Нуеге- „ момъ, заслуживающимъ жестокое „ наказаніе.“ По симъ словамъ пусть всякой судитъ о гордости Арабскихъ жрецовъ!

„ Когда ты его домогаешься усиль- „ нымъ образомъ, отвѣчалъ ему дру- „ гой Арапъ, то невольникъ твой „ сей часъ погибнетъ отъ руки моей.“ Оканчивая сіи слова, вынимаетъ онъ кинжалъ свой и хочетъ онымъ меня поразить. Я возтрепеталъ подъ угрожающимъ мечемъ сего варвара, но Господинъ мой не теряя времени, бросаетъ на меня нѣкотораго роду

весь-

весьма длинные чотки (1); по томъ беретъ не большую книгу, висящую при его поясѣ: въ ту самую минуту устремляются ко мнѣ женщины, вырываютъ меня изъ рукъ Нуегема и передаютъ раздраженному жрецу: столько-то онѣ страшились того, чтобы онъ не произнесъ анаѳемы на своего сопротивника! весь совѣтъ одобрилъ законное дѣйствіе Тальба.

Въ нѣкоторыхъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ происходила сія сцена, обрѣлъ я опять моихъ товарищей, коихъ совсѣмъ не надѣялся когда-либо увидѣть. Но, великій Боже! въ какомъ состояніи нашелъ я ихъ! уже они начинали чувствовать первые ужасы голода. Они не ѣли сряду двое сутокъ. Хотя и я не менѣе былъ истощенъ силами, но переломъ страсти, въ которой я находился почти безъ памяти, столько возмутилъ жизненные мои духи, что я

(1) Тальбы носятъ долгую веревку, на которую нанизываютъ 115 маленькихъ черныхъ шариковъ. Они употребляютъ ихъ также, какъ Католики свои чотки.

потерялъ отъ того способность чувствовать угнѣтавшую меня нужду.

Ставъ спокойнѣе, размышлялъ я объ опасности, которой имѣлъ щастіе избѣжать; душа моя была столько растрогана, что я не могъ удержать слезъ моихъ. Я старался сокрыть отъ непріязненныхъ взоровъ изъявленіе моей чувствительности и болѣзни. Но нѣкоторыя женщины примѣтивъ сіе и нимало не чувствуя сострадания, бросали песокъ въ глаза мои, дабы осушить, говорили онѣ, орошенныя мои вѣка. По щастію ночь сокрыла меня отъ бѣшенства сихъ чудовищъ и отъ ихъ взора.

Уже прошло трое сутокъ, какъ мы здѣлались невольниками, и не употребляли еще никакой пищи опричь горсти негодной муки, попортившейся не столько отъ морской воды, сколько отъ примѣси молотаго ячменя, сохраняемаго чрезъ долгое время въ козьихъ кожахъ; сверхъ того сей невкусной столъ прерванъ былъ смятенными криками, раздавшимися въ нѣкоторомъ отъ насъ разстояніи.

Одинъ

Одинъ изъ пріятелей Сиди Магаммета прибѣжавъ туда совѣтовалъ ему скрыться наискорѣе потому, что Уаделимы ѣхали со всѣхъ сторонъ для отнятія ихъ добычи. „Удались отселѣ съ твоими невольниками, сказалъ онъ ему, между тѣмъ „какъ я соберу нѣкоторыхъ нашихъ „сообщниковъ, и на разсвѣтѣ отправимся къ нашему селенію.“ Съ сего времени узналъ я, что Арапы Лабдессебскаго поколѣнія приходили на морской берегъ за три дни до нашего кораблекрушенія и собирали тамъ дикія зерна, служащія къ пропитанію ихъ семейства. И такъ сперва условленось было о мѣстѣ нашего сходбища; по томъ скрылись мы за песчаные пригорки, гдѣ пробыли до тѣхъ поръ, пока созванные Арапы другаго поколѣнія, столь же рачительные о сохраненіи награбленнаго, соединились съ нами и подкрѣпили нашу партію. — Одинъ упреждавшій насъ проводникъ, ставилъ отъ мѣста до мѣста не большія изъ камней пирамидки; — чрезъ сіе означалъ онъ дорогу, которой надлежало

 намъ

намъ держаться, и предостерегалъ насъ, дабы мы не попали на средину какого-ни есть непріятельскаго мѣстечка, особенно Уаделимскаго. Впрочемъ сіи народы столь корыстолюбивы, что не взирая на взаимную привязанность другъ къ другу, столько же опасаются своихъ пріятелей какъ и своихъ враговъ. На разсвѣтѣ всѣ Господа, имѣвшіе Христіанскихъ невольниковъ, съ нами соединились, и мы вступивъ въ дорогу пробирались во внутренность земель, гдѣ обитали семейства нашихъ Господъ.

Я не могу довольно изобразить, сколько мы во время нашего путешествія страдали жаждою. Мы не могли почти двигать языкомъ, и не отваживаясь никому здѣлать ни малѣйшаго вопроса, принуждены были слѣдовать за верблюдами, коихъ ходъ ускоряли палками: а Господа наши опасаясь, чтобы насъ не похитили Арапы другаго поколѣнія, дѣлали столь много различныхъ оборотовъ, что мы проводили цѣлыя двѣ недѣли въ перехожденіи до ихъ

се-

селидьбѣ, между тѣмъ, какъ слѣдуя по прямой дорогѣ, моглибы мы туда прибыть съ не большимъ въ пять дней.

Вспалзывая съ горы на гору прежасной высоты, изъ коихъ каждая покрыта была сѣроватыми кремнистыми камнями столь же острыми, какъ и ружейные кремни, сошли мы наконецъ въ песчаную ровнину, усѣянную чертополохомъ съ колючими спицами. Здѣсь поубавили мы нашего ходу: у меня изъ одной пяты лилась кровь, и слѣдовательно я не могъ далѣе итти. Чего ради хозяинъ мой велѣлъ мнѣ сѣсть позади себя на верблюда, но сіе со стороны его попеченіе, не только не доставило мнѣ облегченія, но причинило напротивъ того несказанную боль. Ибо какъ я сидѣлъ нагой, то не могъ ни коимъ образомъ предохраниться отъ тренія шерсти сего животнаго, такъ что въ короткое время содрало со всего меня кожу. Кровь моя текла ручьями по бокамъ верблюда, и сіе зрѣлище вмѣсто того, что бы возбудить чувствительность

ность и подвигнуть на жалость сихъ варваровъ, служило къ ихъ увеселенію. Мои мученія почитали они для себя забавною игрою. Я бы довершилъ сіе тѣмъ, что мои раны здѣлались бы неисцѣлимыми, ежели бы не принялъ насильственныхъ, но нужныхъ мѣръ, то есть, я черезъ мочь пошелъ опять по песку. Упавъ однажды съ верблюда, исколотъ я былъ по всему тѣлу колючимъ чертополохомъ, которымъ, какъ я упоминалъ, укрыта была вся земля. Здѣсь представляю я Читателю вообразить всю тяжесть моихъ страданій!

При настиженіи ночи примѣтили мы весьма густой дымъ. Я представлялъ себѣ, что мы приближаемся къ какой нибудь селидьбѣ, гдѣ можно будетъ утолить жажду и голодъ; но тотчасъ появились кучи хворосту, подлѣ котораго проводникъ нашъ расположился ночевать: я протянулся позади одного куста ожидая смерти; но едва лишь легъ на землю, какъ одинъ Арапъ изъ нашей свиты велѣлъ мнѣ встать и по-

послалъ меня развьючить верблюда. Я столько разсердился на повелительной голосъ сего человѣка, что отвѣчалъ ему безъ малѣйшей осторожности; вдругъ сорвалъ онъ съ моей головы дурную матроскую шляпу, которая дана была мнѣ въ замѣну хорошей; онъ плевалъ на меня въ знакъ презрѣнія и схвативъ сильно за руку, тащилъ меня къ верблюдамъ. Какъ скоро уцѣпился онъ руками за мое тѣло, то я позабывъ самаго себя, ударилъ его сперва кулакомъ по лицу, по томъ вырвавшись изъ его рукъ, схватилъ дубину, на которую насажено было желѣзное копье и бросился на него съ великимъ неистовствомъ, но онъ пустился въ бѣгъ и такимъ образомъ скрылся отъ моего гнѣва.

Въ ту самую минуту увидѣлъ я приближающагося ко мнѣ моего Господина, и хотя намѣренія его были мнѣ не извѣстны, однакожъ я ему кричалъ, что естьли хочетъ онъ мстить за своего товарища, то скорѣе найдетъ меня готовымъ къ предпріятію всякой крайности, нежели

жели чтобъ допустилъ я себя бить. Моя рѣшимость и угрозы приводили его въ смѣхъ; впрочемъ онъ обнадежилъ меня, что я не долженъ ничего опасаться. Сіе приключеніе увѣряетъ, что съ неустрашимостію можно избѣжать многихъ побоевъ, которымъ бы непремѣнно надлежало подвергнуться изъявляющему духъ робости, и я не однократно послѣ испыталъ, что сіе мнѣніе было очень основательно. Сіи Арапы тогда только показываютъ бѣшеную храбрость, когда имъ никто не сопротивляется.

Между тѣмъ смотрѣлъ я на чинимыя пріуготовленія, которыя меня чрезвычайно безпокоили. Арапы разкаливали кремни на горячихъ угольяхъ; тотчасъ подлѣ одного кустарника подняли они пребольшой камень, начали рыть землю и повторяя часто мое имя, производили великую хохотню: наконецъ призвавъ меня къ себѣ, велѣли они мнѣ подойти къ вырытой ямѣ. Тотъ, котораго я ударилъ, дѣлалъ мнѣ разные знаки. Онъ водилъ рукою по сво-

своей шеѣ, какъ бы хотѣлъ оную перерѣзать, или давалъ мнѣ разумѣть, что мнѣ самому скоро оную перерѣжутъ. Сколько я ни былъ отваженъ и рѣшимъ для защищенія себя, однакожъ такія тѣлодвиженія мнѣ весьма не нравились. Но въ какое пришелъ я удивленіе, когда увидѣлъ, что они начали вытаскивать изъ помянутой ямы козій мѣхъ, наполненный водою, также не большой кожаной мѣшокъ съ ячменною мукою и недавно заколотую козу! Видъ сихъ припасовъ возвратилъ мнѣ все мое спокойствіе, хотя еще и не зналъ, къ чему служили разкаленные въ огнѣ кремни. Напослѣдокъ наполнивъ водою большой деревянной сосудъ, всыпали въ него нѣсколько ячменной муки; а раскаленные кремни, будучи брошены въ воду, служили къ ея вскипетѣнію. Такимъ-то образомъ Господа наши здѣлали себѣ нѣкотораго роду кашу, которую мѣшали они своими руками и не разжевавъ поглощали. Я и прочіе невольники поѣли только не много сей разболтанной муки. Она брошена была

ла къ намъ на цыновку, которая обыкновенно служила милостивцу нашему подстилкою къ ногамъ во время молитвы, а ночью вмѣсто тюфяка. По весьма долгомъ замѣшиваніи его тѣста, подалъ онъ мнѣ не большой участокъ онаго съ тѣмъ условіемъ, что бы я подѣлился съ моими товарищами. Не льзя вообразить, сколько сія опара была непріятна вкусу. Вода, на которой ее взболтали, почерпнута была близъ морскаго берега, потомъ перелита въ козлиную внедавнѣ содранную кожу: а для воспрепятствованія ея поврежденію, смѣшивали ее съ нѣкоторою смолою, придававшею ей пренесносной и заразительной запахъ. Сію самую воду раздавали намъ для питья, и при всемъ томъ имѣли ея очень малое количество.

Ударенный мною Арапъ, услыша произносимыя мною на него жалобы, отдалъ мнѣ остатки своей каши и изъяснялся помощію знаковъ, что завтре будемъ мы ѣсть зарѣзанную для насъ козу. Я свидѣтельствовалъ ему отчасти словами, отчасти тѣлодви-

движеніями, сколько я удивляюсь обрѣтенію сихъ припасовъ, онъ употребилъ въ отвѣтъ тотъ же самой языкъ увѣдомляя меня, что упреждавшій насъ проводникъ досталъ оные въ одномъ селеніи и сокрылъ ихъ въ землю отъ взора проходящихъ Мавровъ. Хотя сіи подробности довольно меня удивляли, но признаюсь, гораздо меньше, нежели злость сего Арапа, превратившаяся въ благосклонность и ласку. По окончаніи нашего ужина каждой пошелъ спать за кусты.

На разсвѣтѣ услышали мы голосъ нашихъ Господъ, которые приказывали намъ собрать и навьючить верблюдовъ. Исполнивъ волю ихъ, продолжали мы путешествіе наше съ небольшимъ оставшимся у насъ запасомъ. Почти наступилъ уже полдень, какъ мы остановились для роздыху въ нѣкоторой долинѣ, гдѣ не нашли ни одного дерева, подъ тѣнію котораго можно бы было укрыться отъ солнечныхъ лучей, ударявшихъ прямо надъ нашими головами. Тутъ принуждены мы были

развьючать верблюдовъ и вырывать изъ земли корни для разведенія огня; работы тѣмъ несноснѣе, что въ сей сторонѣ всѣ дерева, корни и травы ростутъ колючія. Какъ скоро разожженъ былъ отъ огня песокъ, то обсыпали имъ козу, и мы продолжали безпрестанно хранить огонь въ то время, какъ наши Господа потчивали другъ друга сырымъ жиромъ, и повидимому весьма уважали сіе кушанье. Арапы вынувъ изъ песку зажаренное мясо, и не успѣвъ сдунуть прильнувшую къ нему пыль, пожирали его съ невѣроятною алчностію. Оглодавъ начисто кости, оскребали еще ихъ своими ногтями, дабы лучше отодрать приставшее къ нимъ мясо; потомъ бросили ихъ намъ какъ собакамъ, повелѣвая скорѣе ѣсть и опять навьючать верблюдовъ для походу.

Солнце было уже на закатѣ, какъ при сіяніи багровыхъ его лучей (ибо въ сей странѣ солнце почти всегда заходитъ на красноватомъ небосклонѣ) увидѣли мы палатки, разбросанныя туда и сюда на

на небольшомъ возвышеніи и возвращающіяся съ паствы стада. Жители сего мѣстечка, къ которому мы приближались, шли на встрѣчу къ намъ толпами. Въ разсужденіи же обхожденія не только не соблюли они кроткихъ законовъ гостепріимства, но поносили насъ ругательными словами и начали безчеловѣчно бить палками. Двое изъ моихъ товарищей приведены были въ жалостное состояніе. Наипаче женщины, несравненно лютѣйшія мущинъ, поставляли для себя удовольствіемъ ихъ мучить. Наши Господа не отваживались говорить имъ вопреки, ниже противиться силою, да и радовались тому, что жители болѣе занимались нами, нежели грузомъ ихъ верблюдовъ.

Я удалился нѣсколько отъ моего Арапа, и вдругъ представился мнѣ одинъ человѣкъ, которой мѣтилъ въ меня двузаряднымъ ружьемъ (*). Я обративъ къ нему грудь

 свою,

(*) Съ нѣсколькихъ лѣтъ пропали при сихъ берегахъ многія суда, плывшія для вывозу

свою, говорилЪ, что бы онЪ вЪ меня выстрѣлилЪ. Сей неустрашимой поступокЪ, кЪ которому безЪ сомнѣнія злодѣй сей былЪ не привыченЪ, весьма удивилЪ его, и такое изумленіе споспѣшествовало мнѣ утвердиться вЪ моемЪ мнѣніи, что сихЪ людей всегда обмануть можно, ежели только вЪ присутствіи ихЪ не показывать ни малѣйшей робости. Я подошелЪ было кЪ сему человѣку, какЪ вЪ ту самую минуту брошенный камень неизвѣстною рукою, (думаю женскою) ударилЪ меня вЪ голову. Я лишился на минуту памяти, но пришедЪ опять вЪ чувство, обнаружилЪ презѣльный свой гнѣвЪ и требовалЪ мщенія сЪ пронзительнымЪ воплемЪ. Сего было довольно для произведенія вЪ дѣтяхЪ страха и ужаса. Дикіе, шедшіе кЪ намЪ на встрѣчу, не зная случившагося происшествія, пустились бѣжать. ВпрочемЪ одинЪ изЪ нихЪ от-

НегровЪ. Арапы вынимали изЪ нихЪ грузЪ и всякія вещи: и такЪ неудивительно, что у нихЪ находятся ружья.

отступя на нѣкоторое разстоянїе, выстрѣлилъ изъ ружья въ мою грудь, отъ чего начало меня рвать кровью. Естьли бы я могъ распознать поразившаго меня такимъ образомъ, то непремѣнно отплатилъ бы ему займы. Будучи принужденъ отъ досады жаловаться, исполнилъ я сїе предприятїе съ такимъ ревнованїемъ, что возбудилъ любопытство многихъ сихъ чудовищъ. Они спрашивали моего Господина, кто я таковъ? Это, отвѣчалъ онъ имъ, очень богатой Христїанинъ, имѣющїй великое количество товаровъ, ружей, пуль, огнивъ и алаго сукна (*). А что бы узнать, сколько онъ превосходнѣе другихъ, то стоитъ только на него посмотрѣть; ибо онъ одѣтъ пышнѣе всѣхъ невольниковъ, и рубашка его напрыскана весьма приятными духами (**). Сверхъ того

(*) Онъ воображалъ, что находившїеся въ Королевскихъ анбарахъ запасы и товары принадлежали только мнѣ одному.

(**) Сїи духи былп Лодилованъ, коего запахъ былъ еще слышенъ отъ моего бѣлья.

го онъ угощалъ у себя Принца Алликури, его жену и всю свиту.

Надѣясь избѣжать многихъ обидъ и огорченій, говорилъ я имъ, что сей Принцъ пріѣжалъ въ Сенегалъ нарочно для посѣщенія меня, и дабы болѣе ихъ въ томъ удостовѣрить, подражалъ я ихъ шутамъ, называемымъ *Егеумсами*. Сей родъ комедіи столько понравился моему Господину, что онъ заставлялъ меня повторять ее всякой разъ, когда находилъ удобной къ тому случай. Онъ употреблялъ небольшую сію хитрость для развеселенія жадныхъ сихъ корыстолюбцовъ, коихъ опасался, чтобъ они его не ограбили, и симъ искуснымъ образомъ развлекъ онъ все ихъ вниманіе. Едва лишь обьявилъ онъ объ моей способности, состоящей въ подражаніи *Егеумсамъ*, какъ былъ я окруженъ мущинами, женщинами и дѣтьми, кои всѣ твердили мнѣ безпрестанно гань т. е. пой же (*). Какъ скоро оканчивалъ я пѣ-

(*) Степные жители очень любятъ пѣть, и обыкновенно становятся рядомъ вокругъ доставляющаго имъ сіе увеселеніе.

пѣсню, то заставляли опять ее начинать, и я принужденъ былъ дѣлать сіе, какъ для ихъ забавы, такъ и для доставленія себѣ (надобно въ томъ признаться) нѣсколькихъ капель верблюжьяго молока, единой награды за сіе презрѣнное ремесло.

Мы пробыли только одни сутки въ семъ округѣ. Жители здѣшніе сколь ни были злонамѣренны по причинѣ своего корыстолюбія, однакожъ снабдили насъ на три или четыре дни съѣстными запасами. Долины, кои проходили мы подвигаясь далѣе къ восточной сторонѣ, покрыты были небольщими кремнями, бѣлыми какъ снѣгъ, а круглыми и гладкими какъ зрительное стекло. Идучи дорогою, услышали мы подъ ногами нашими глухой шумъ такъ какъ бы боронилъ кто нибудь землю. Сія страна не представляетъ никакого разнообразія. Земля здѣсь совершенно гладкая, и не производитъ ни малѣйшаго растѣнія. Атмосфера всегда наполнена красноватыми испареніями. Кажется, что со

всѣхъ сторонъ представляются разженыя огнедышущія жерла. Меленькіе камушки стрекочутъ ногу такъ же, какъ огненныя искры. Въ воздухѣ не видно ни птицъ, ни насѣкомыхъ. Тутъ царствуетъ глубокое молчаніе, имѣющее нѣчто ужаснаго. Ежели когда внезапно повѣетъ небольшой вѣтерокъ, то путешественникъ тотчасъ почувствуетъ чрезмѣрную усталость. Уста его трескаются, кожа сохнетъ и все тѣло покрывается небольшими шишками, причиняющими жесточайшую и чувствительнѣйшую боль. Наши проводники, зашедшіе очень далеко во внутренность сихъ земель, для избѣжанія нѣкоторыхъ ордъ, коихъ они весьма боялись, не были такъ же изъяты отъ общихъ болѣзней, претерпѣваемыхъ въ сей степи, куда не смѣютъ забрести самые лютѣйшіе звѣри. Солнечныя лучи ударяли на кремни, и я опасался каждую минуту, что бы отраженіе ихъ не погубило моего зрѣнія.

Изъ сей наипространнѣйшей ровнины перешли мы въ другую, въ кото-

торую вѣтры заносили отъ разстоянія до разстоянія борозды крѣпкаго красноватаго песку. Нѣкоторыя пахучія растѣнія, выходящія изъ бороздъ, немедленно были пожраны верблюдами, почти столь же голодными, какъ и мы. Оставляя сію песчаную лощину, имѣли мы щастіе найти грунтъ, окруженной горами. Земля на немъ была бѣла и мѣловата. Въ сей долинѣ, при подошвѣ нѣкоторыхъ деревъ, коихъ переплетшіяся съ искуствомъ вѣтьви составляли бесѣдку, обрѣли мы воду, въ которой до сего времени терпѣли крайнюю нужду. Мы всѣ напились ее съ неизреченнымъ удовольствіемъ, хотя она была горька, покрыта зеленымъ мохомъ, и пахла заразительною вонью.

За всѣ претерпѣнныя трудности вознаграждены были мы ввечеру встрѣчею съ нами одной орды, стоявшей лагеремъ въ нѣсколькихъ оттолѣ миляхъ. Тутъ приняли насъ очень снисходительно и указали намъ другія селидьбы, или становища, гдѣ по извѣщенію жителей, могли бы мы достать себѣ всѣ по-

собія для достиженія къ жилищу нашихъ покровителей. Сіе приключеніе тѣмъ было для насъ полезнѣе, что проводники наши заблудились.

Двоюродный братъ моего Господина, которой былъ такъ же начальникомъ селидьбы, прилагалъ особенное попеченіе о всѣхъ невольникахъ. Онъ приказалъ дать намъ верблюжьяго молока и изрубленнаго на мѣлко струсоваго мяса, которое высушено было на солнцѣ. Я не помню, какимъ образомъ успѣлъ я склонить его къ себѣ милость; ибо онъ подошедъ ко мнѣ сказалъ: „ „Нещастный Христіанинъ! Братъ „мой долженъ мнѣ съ давняго времени; ежели ты хочешь мнѣ служить и быть ко мнѣ привержен-„нымъ, то я здѣлаю съ нимъ договоръ.„ Сіе предложеніе привело меня въ трепетъ; оно казалось предвѣщающимъ мнѣ долгое порабощеніе. Я увѣренъ былъ столь твѣрдо о непродолжительности моего рабства, что поспѣшно побѣжалъ увѣдомить моего Господина о учиненномъ мнѣ двоюроднымъ братомъ его пред-

предложеніи. Я просилъ его усильно, что бы онъ не склонялся ни на какое условіе и убѣждалъ его, что онъ болѣе пріобрѣтетъ отъ моего выкупа, нежели сколько можетъ получить отъ своего брата.„ Будь спо„коенъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, я не „растанусь съ тобою до тѣхъ поръ, „пока не будешь ты отправленъ въ „Сенегалъ или Марокъ, и это сбу„дется очень скоро.„ Сія надежда поселила въ сердцѣ моемъ несказанную радость. Но однакожъ, не смотря на всю признательность, внушаемую мнѣ симъ поступкомъ Сиди Селлема (*), намѣреніе его оставило меня въ безпокойствѣ. Онъ примѣтя сіе смятеніе, сказалъ мнѣ, что я буду раскаяваться, ежели не приниму его представленій. Такое намѣреніе приписывалъ я желанію его, удержать меня на всегда въ своей селидьбѣ, но послѣ узналъ, что онъ говорилъ мнѣ правду, и я бы не былъ имъ обманутъ.

По

(*) т. е. Двоюроднаго брата моего Господина.

По трехдневномъ отдохновеніи у Араповъ Ларуссійскаго поколѣнія, вступили мы опять въ путь нашъ, подаваясь отъ часу далѣе во внутренность степей, гдѣ надлежало намъ увидѣть семейства нашихъ провожателей. Наконецъ по шестнатцатидневномъ пути, по перенесеніи тягчайшихъ трудностей и ужасной бѣдности, прибыли мы туда совершенно обезсиленными и изсохшими.

При первыхъ солнечныхъ лучахъ, увидѣли мы деревушку, которая возвѣщала по видимому веселое пребываніе. Многія палатки, разставленныя подъ вѣтьвистыми деревами, безчисленныя стада, пасущіяся на холмахъ, заставили бы почесть сіе мѣсто убѣжищемъ благополучія и тишины; но вблизи показалося оно мнѣ совсѣмъ иначе. Дерева, коихъ зеленымъ листьямъ удивлялся я издали, были стары и смолисты, вѣтьви ихъ, обремененныя спицами, дѣлали неприступною тѣнь, распространяемую ими вокругъ себя. Вскорѣ съ отлогости одного пригорка усмотрѣны

рѣны мы были семействами нашихъ Господъ.

Многіе черные невольники, обязанные всегда стеречь верблюдовъ, шли къ нимъ на встрѣчу, дабы поцѣловать ноги ихъ и освѣдомиться объ ихъ здоровьѣ. Не много подалѣе дѣти наполняли воздухъ радостными криками, а жены стоя изъ почтенія при входѣ палатокъ ожидали своихъ мужей. Какъ скоро они сближились между собою, то жены начали подходить къ нимъ съ покорнымъ видомъ, клали правую свою руку на ихъ голову, по томъ повергшись передъ ихъ ногами, цѣловали землю. По окончаніи сего обряда, бросили онѣ на насъ первый любопытной взоръ, и немедленно стали ругать насъ язвительными словами. Не удовольствуясь симъ, стали онѣ плевать намъ въ лице и кидать въ насъ камнями. Дѣти по примѣру ихъ щипали наше тѣло, рвали волосы и царапали насъ ногтями. Безчеловѣчныя матери подсылали ихъ то къ тому, то къ другому невольнику и увеселялись, видя удручаемыхъ насъ муче-

ченіемъ. Сколько были мы тогда нещастливы! Будучи истощены усталостію, изнурены голодомъ и жаждою, ожидали мы съ нетерпѣливостію минуты нашего прибытія. Могли ли мы предвидѣть новыя муки, на которыя будемъ преданы?

Между тѣмъ Господа наши раздѣлили по себѣ своихъ невольниковъ. Какъ скоро хозяинъ мой принялъ ласки отъ всего своего семейства, то спросилъ я его, которая изъ окружавшихъ его женъ есть первая его наперстница. Онъ указалъ мнѣ ее, и я подарилъ ей двѣ горсти гвоздики, рачительно сбереженной Мугаммедомъ для того наипаче, что бы я свидѣтельствуя чрезъ сіе рабское почтеніе и подданническій долгъ, могъ получить отъ нее благопріятнѣйшій пріемъ. Она взяла мой подарокъ съ наглою надменностію, и съ презрѣніемъ прогнала меня изъ своей палатки. Спустя минуту, сія женщина, злѣйшая всѣхъ мною видѣнныхъ и ненавидимая даже всѣми себѣ подобными, по причинѣ мерзкаго своего характера, начала намъ прика-

ка-

казывать Гг. Девуазу, Бодрею и мнѣ, доставшимся во владѣніе ея мужу, чтобъ мы развьючили верблюдовъ, вычистили нѣкотораго роду котликъ и натаскали бы корней для разведенія огня. Между тѣмъ, какъ она означала свою волю, любезной мужъ ея заснулъ очень спокойно на колѣняхъ одной наложницы.

Надежда, получить въ скоромъ времени свободу, придавала нужную бодрость къ перенесенію жестокостей злой женщины. И такъ я отошелъ вязать пучки хвороста; но по возвращеніи моемъ приведенъ я былъ въ крайнее отчаяніе увидѣвъ обѣихъ моихъ товарищей, изувѣченныхъ ударами и растянувшихся по песку. Ихъ били немилосердо за то, что они по причинѣ совершенно истощенныхъ силъ своихъ не могли исполнить заданной имъ работы. Я разбудилъ моего Господина усугубленнымъ крикомъ; и хотя не хорошо еще говорилъ Арапскимъ языкомъ, однакожъ зачалъ съ нимъ слѣдующій разговоръ.„ Развѣ ты за

тѣмъ

„тѣмъ насъ сюда привелъ, чтобъ „мы были всѣ перебиты безчеловѣч„ною твоею женою? Вспомни о учи„ненномъ мнѣ обѣщаніи; проводи „меня немедленно въ Сенегалъ или „въ Марокъ: иначе я обьявляю те„бѣ, что не боюсь погибели, и еже„ли мнѣ не удастся захватить тебя „самаго, то по крайней мѣрѣ велю „отобрать отъ тебя всѣ врученныя „мною тебѣ дорогія вещи. Я легко „найду себѣ другаго Господина, ко„торой будетъ обходиться со мною „гораздо человѣколюбивѣе и лучше „нежели ты.„

Я разсердился до крайности. Многіе сосѣди, бывъ свидѣтелями моей запальчивости, приближались ко мнѣ и причиняли великое безпокойство моему Господину, которой чрезвычайно опасался, чтобъ я не упомянулъ о числѣ врученныхъ ему вещей. Онъ подошедъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и поспѣшно повелъ въ свою палатку умоляя меня не дѣлать никакого шуму. Какъ онъ поднесъ было мнѣ стаканъ молока, то я сказалъ

залъ ему: „отнеси это моимъ товарищамъ, издыхающимъ отъ голода и жажды.„ Онъ отвѣчалъ мнѣ, что тотчасъ же исполнитъ, и просилъ меня успокоиться на минуту. Я показалъ ему ободранныя и запекшіяся кровію мои руки.„ Вспомни, „сказалъ я ему худымъ моимъ нарѣчіемъ, какъ ты во время моего „кораблекрушенія осматривая мои „руки кричалъ, *онѣ не привыкли къ* „*тягостнымъ трудамъ;* а теперь тре„буешь отъ меня самой жестокой „работы! Въ нашей сторонѣ обхо„дятся съ подобными тебѣ совсѣмъ „иначе.„ Онъ удивился, какъ скоро услышалъ, что и во Франціи есть Мавры.„ Мы поговоримъ съ тобою „объ этомъ въ другое время, пре„рвалъ онъ; между тѣмъ не печалься, „я буду прилагать о тебѣ стараніе, „какъ о собственномъ моемъ сынѣ. „А тебѣ запрещаю, примолвилъ онъ „оборотясь къ своей женѣ, требо„вать отъ него малѣйшей трудной „услуги, равно какъ и ему приказы„ваю тебя не слушать. Для чего „не вскипятили ячменной муки для

„сихъ невольниковъ? Я посмотрю, „какъ будутъ исполнены мои при„казанія.„ Съ сего времени возлюбленная его поклялась питать ко мнѣ непримиримую ненависть.

Между тѣмъ проходилъ мѣсяцъ Августъ, и я не видалъ еще никакихъ къ путешествію пріуготовленій. Я уже спрашивалъ Сиди Магаммета, для чего медлитъ онъ проводить меня въ Сенегалъ. На сіе отвѣчалъ онъ мнѣ, что онъ ищетъ двухъ крѣпкихъ и здоровыхъ верблюдовъ, кои бы въ состояніи были противостоять дорожнымъ трудностямъ; и какъ скоро ихъ достанетъ, то мы немедленно отправимся въ дорогу. Мнѣ не нравилось его отсрочиваніе потому паче, что ночи становились очень холодны. Весьма изобильныя росы мочили насъ за кустами, служившими намъ убѣжищемъ. Правда, мы находили цѣлительное средство и въ сей самой росѣ: ибо собирая ее руками по нагому нашему тѣлу, утоляли ею жажду, которая ни мало не уменьшалась отъ ночнаго хо-

лода, и всегда предпочитали ее урине, единому питью, по необходимости употребляемому. Я напоминалъ въ другой разъ моему Господину о путешествіи, но онъ всегда убѣждалъ меня своими причинами.„ Развѣ „ты думаешь, говорилъ онъ мнѣ, „что при чрезвычайныхъ настоя„щихъ жарахъ можно путешество„вать по знойнымъ степямъ безъ „съѣстныхъ припасовъ, а особливо „безъ воды? Мы понесемъ много „труда и безпокойства приближаясь „къ Сенегалу потому, что окру„жающая его рѣка наводнила теперь „всѣ долины, и мы должны опасать„ся нападенія отъ Араповъ Таргей„скаго поколѣнія, нашихъ непріяте„лей. Я говорю тебѣ правду, при„молвилъ онъ, намъ должно дожи„даться до Октября. Въ сіе время „дожди оросятъ наши степи и до„ставятъ хорошую паству верблю„дамъ. Впрочемъ мы никакъ не мо„жемъ прокормить ихъ во время „столь долгаго путешествія.„ Я понималъ всю справедливость сего умозаключенія и рѣшился взять терпѣніе.

 Го-

Голодныя стада не находили болѣе травы; овцы и козы возвращались ввечеру почти съ спустыми сосцами; а для пропитанія многочисленнаго семейства употреблялось только козье да верблюжье молоко. Пусть всякой судитъ по сему, сколько долженствовала уменьшиться наша порція. Намъ, поколику Христіанамъ, самыя сабаки были предпочитаемы, и мы всегда получили участки свои въ ихъ чашахъ.

Въ одинъ день верблюжій пастухъ весьма разжаловался, что для него стыдно служить такому слабому Господину, которой не можетъ принудить своихъ невольниковъ къ сей должности. Арапка не преминула подтвердить сей жалобы; чего ради мужъ ея, котораго проводилъ я долгое время какъ простяка, началъ мнѣ говорить, что для предупрежденія ропота другихъ, надлежитъ Бодрею, яко младшему изъ всѣхъ, непремѣнно приняться за сію работу. Господинъ Девуазъ по причинѣ своего возраста и худаго здоровья былъ освобожденъ отъ всякаго раб-

ска-

скаго служенія, но тѣмъ достоинъ былъ большаго сожалѣнія; ибо онъ безпрестанно подверженъ былъ ругательству сихъ жестокихъ Араповъ, а я напротивъ того радовался удалившись отъ нихъ по новой моей должности.

Ввечеру, какъ я возвращался домой съ моимъ стадомъ, одна овца обѣягнилась на скатѣ пригорка. Я взявъ ягненка на руки, понесъ его бережно и усердно къ любовницѣ моего Господина, воображая, что она приметъ его съ такимъ же удовольствіемъ, каковое всегда показывала въ подобныхъ случаяхъ. Я спросилъ ее тогда, дастъ ли она мнѣ первому молока отъ обѣягнившейся овцы, такъ какъ у нихъ въ обыкновеніи давать сперва оное пасущему стадо. Вмѣсто всякаго отвѣта, бросила она въ мои ноги пребольшой ножъ и выгнала меня изъ палатки съ презрѣніемъ, понося язвительными словами. Мужъ ея, бывшій свидѣтелемъ сея суровости, подошедъ ко мнѣ сказалъ, что онъ вознаградитъ меня за сію услугу большей порціею

молока. Я всегда полагался на искренность его обѣщаній; но сколь велико было мое удивленіе, какъ однажды сѣвъ позади палатки, услышалъ я сего лукавца смѣющагося съ своею женою о жестокомъ ея со мною поступкѣ. Я разсердился; но мой гнѣвъ дошелъ до высочайшаго степени въ вечеру, ибо я не получилъ тогда обѣщаннаго мнѣ молока, котораго цѣлую половину отняла у меня злобная Арапка и отдала оную своимъ собакамъ.

Мѣсяцъ Октябрь приближался уже къ концу, но съ неба не упало еще ни одной дождевой капли. Состояніе мое становилось со дня на день гораздо несноснѣе. Все мое платье заключалось въ мерзкой парусинѣ, обтянутой вокругъ пояса, и я оставленъ былъ отъ всей природы. . . Чувствительныя души! перенеситесь на минуту въ мою пустыню, и вы не будете сумнѣваться, чтобъ тамъ можно было проливать кровавыя слезы.

Долины, низкія мѣста, все погорѣло, и для прокормленія нашего

скота

скота ничего не оставалось. Наступилъ уже Декабрь, въ которомъ обыкновенно перестаютъ такъ лить начавшіеся въ Октябрѣ дожди. Небо не удостоевало степныхъ жителей сея милости. Ежели бы засуха продолжилась еще на четвертой годъ, то мы были бы непремѣнно подвержены ужасной бѣдности и неизбѣжимой смерти. Уныніе было всеобщее, какъ одинъ Арапъ пришелъ изъ отдаленныхъ странъ насъ увѣдомить, что изобильные дожди оросили тамъ многіе уѣзды. Тотчасъ послѣ страха и печали послѣдовала радость. Всякой сбираетъ свою палатку и всѣ поступаютъ въ походъ, дабы переселиться въ новоорошенныя земли. Это уже въ тритцатой разъ перемѣняли мы жилище и возобновляли свои безпокойства, ибо сіи орды никогда не проживаютъ болѣе двенатцати дней въ одномъ стану. Мнѣ всегда приказывано было снимать и ставить палатки, равно какъ навьючивать всякія мѣлочи. Часто принуждали меня нести весьма тяжелую поклажу для облегченія

 вер-

верблюдовъ, и я почиталъ себя очень щасшливымъ, когда стада были въ добромъ порядкѣ и никуда не разбродились.

Нещастные мои товарищи столько были изнурены, что не могли ничего дѣлать; почему вся тягость пала на одного меня. Я раздѣлялъ съ ними остатки доставаемой мною пищи, стараясь всемѣрно учиниться полезнымъ, ибо имъ ничего не давали.

Наконецъ прибыли мы къ желаемому мѣсту, изъ котораго надѣялся я вскорѣ выйти и воспользоваться свободою. Но Господинъ мой, умѣвшій до сего времени соединять съ увѣрительнымъ тономъ самое злобное коварство, перестал прикворяться и заставилъ меня испытать ужаснѣйшее его тиранство.

Мы разположились лагеремъ по столь мокрому песку, что отъ одного давленія нашего тѣла, натекло бы вокругъ насъ не малое количество воды. И такъ мы почли бы себя весьма щасшливыми, ежели бы имѣли для подстилки ивовую цыновку,

новку, и еще толстой шерстяной коверЪ вмѢсто покрывала; но сіи вещи едва достаютЪ себѢ самые богатые Арапы. Во время ночи однимЪ ковромЪ покрывается цѢлое семейство. „Сиди МагамметЪ, сказалЪ я „моему Господину, посмотри, возмож-„ли мнѢ на сихЪ мѢстахЪ сносить „нужду долгое время? позволь мнѢ „жить вЪ твоей палаткѢ. Земля, на „которой велишь ты мнѢ спать, „очень мокра, и я терплю по ночамЪ „чрезмѢрной холодЪ. Я составилЪ „твое щастіе; ты обѢщался посту-„пать со мною, какЪ сЪ сыномЪ, а „теперь со всѢмЪ меня покидаешь! „Правда, отвѢчалЪ онЪ мнѢ, я обѢ-„щался поступать сЪ тобою дру-„жески, и вЪ сію минуту покажу осо-„бенный опытЪ моей пріязни. Твое „положеніе, говоришь ты, очень не-„сносно; но оно будетЪ несравненно „хуже, нежели ты думаешь. Зна-„ешь ли ты предоставленную тебѢ „участь? Тебя ожидаютЪ вЪ вѢчно-„сти огонь и пламя, для всегдашня-„го твоего мученія. Хорошо ли ты „разумѢешь свою вѢру?„ ТотчасЪ

 на-

началъ я говорить, желая изъяснить ему все превосходство Христіанской религіи. Слушавъ мои слова нѣсколько времени, отошелъ онъ прочь и говорилъ мнѣ, что онъ предпочитаетъ чашу густаго молока всѣмъ моимъ вздорамъ. Увы! нѣтъ почти никакого мученія, котораго бы не претерпѣлъ я отъ сего умоизступленнаго жреца, принуждавшаго меня принять его исповѣданіе.

Гг. Девуазъ и Бодрей, слышавшіе сей разговоръ, (которой я очень сократилъ) свидѣтельствовали мнѣ взорами своими, что они были тѣмъ чрезвычайно довольны. Они находили въ ономъ нѣкоторое услажденіе своей горькой участи. Какъ скоро наступилъ часъ доенія верблюдовъ, то кликнули меня для полученія моей и товарищей моихъ порціи. Усмотрѣвъ, что стали давать намъ молока болѣе обыкновеннаго, подумалъ я, что мое нравоученіе въ самомъ дѣлѣ много подѣйствовало; но отвѣдавъ его узнали мы, что сія прибавка здѣлана отъ дождевой воды, которою всякой день столько разба-

вляли

вляли чашу, что вскорѣ начали мы получать одну убѣленную воду. Сіе привело насъ въ крайнюю слабость и побудило по жестокой необходимости искать корму вмѣстѣ со скотами. Дикія, потоптанныя ногами ихъ травы и сырыя улитки были съ того времени и до самаго освобожденія единою нашею пищею. Между тѣмъ надлежало пріуготовляться къ новымъ трудностямъ. Мнѣ велѣно было запрягать въ плугъ верблюдовъ, пахать и засѣвать землю, а хозяинъ мой недовольствуясь тѣмъ, что посылалъ меня на свою работу, отдавалъ еще въ наемъ другимъ Арапамъ за порцію молока. Я непремѣнно бы изнемогъ подъ сею тяжестію, ежели бы отъ времени до времени не кралъ по нѣскольку горстей ячменной муки, и сей, какъ я думаю, позволенной кражѣ одолженъ я моимъ сохраненіемъ.

„Ты видишь, говорилъ я моему „Господину, съ какою послушностію „я все работаю: вяжу пучки, мѣ„шаю масло, пасу стада, вырываю „корни, приготовляю верблюжью „шерсть,

„шерсть, которую должна прясть „твоя жена, пашу землю, наконецъ „дѣлаю все, чего ты отъ меня ни „требуешь; я служу тебѣ набогатившъ тебя имѣніемъ, а ты не хо„чешь дать мнѣ рубища, которымъ „бы могъ я прикрыться! . . .„ Другіе Арапы, будучи гораздо сострадательнѣе его, и желая всегда провѣдать о находящихся во владѣніи его галантерейныхъ вещахъ, коимъ поставляли они самую высокую цѣну, дѣлали ему иногда такіе же упреки. Сіе побудило его призвать меня въ одинъ день къ себѣ и спросить въ ихъ присутствіи, дадутъ ли въ Магадорѣ, называемомъ ими *Сойрою* за каждаго невольника хорошій выкупъ? Я отвѣчалъ ему, что онъ будетъ очень доволенъ. „Въ такомъ „случаѣ, прервалъ онъ, приготовь „бумаги, и какъ завтре поѣдетъ „мимо нашего мѣста Жидовской ку„пецъ, то я позволяю тебѣ писать „къ тѣмъ, отъ которыхъ ожидаешь „ты себѣ помощи.„ Въ самомъ дѣлѣ Жидъ (*) пріѣхалъ туда на другой

(*) Жиды, родившіеся въ Африканскихъ степяхъ, скитаются и ведутъ себя почти та-

гой день и я написалъ письмо адресо-вавъ его въ Сойрѣ Консулу, или въ небытность его, представляющему сіе лице. Я просилъ его, что бы онъ тронулся нашими бѣдствіями и подалъ онымъ скорѣйшее пособіе. Я означилъ ему самое лучшее и надежнѣйшее средство къ отысканію насъ и къ доставленію намъ свободы (*). Какъ скоро сіе письмо вручено было Израильтянину, то мнѣ казалось, что я былъ уже со всѣмъ свободенъ: самая лестная надежда!

Молодая Арапка, коей стада часто сходились вмѣстѣ съ моими, при-

кимъ же образомъ, какъ Арапы. Но живущіе въ городахъ, суть самые строгіе наблюдатели Моисеева закона.

(*) Господинъ Соретъ, одинъ изъ моихъ Коммиссіонеровъ; Пинжонъ, корабельной Лекарь, оба пріятели; Бриссіеръ и Иванъ матросы того же самаго корабля претерпѣли отъ сего лютаго начальника неслыханныя наглости. Ихъ били иногда палками, иногда терзали кинжаломъ; горящія уголья и раскаленное желѣзо не однократно употреблялись для ихъ мученія. Въ доказательство сего можно еще и нынѣ видѣть въ Нантѣ Г. Сорета, коего рубцы и раны засвидѣтельствуютъ предлагаемую мною истинну.

примѣтивъ мои заблужденія, извѣстила меня о нравахъ Сиди Магаммеда: „ежели бы онъ былъ не трусливъ, говорила она мнѣ, то бы не „лучше сталъ поступать съ тобою, „какъ и съ твоими товарищими. Можетъ быть отведши тебя на сторону давно бы уже удавилъ; столько-то онъ поставляетъ маловажнымъ учинить злодѣяніе! но онъ „боится тебя почти такъ же какъ „и своихъ братьевъ, имѣющихъ къ „тебѣ живѣйшую привязанность. „Онъ никогда не отважится отлучиться отъ своей селидьбы, опасаясь, что бы не захватилъ его Мулемъ Адарамъ и не лишилъ бы всѣхъ „данныхъ ему тобою вещей, можетъ „быть и самой его жизни.„

Сей Мулемъ Адарамъ (*) есть сынъ Мароккаго Императора. Услышавъ пустые слухи о принесенныхъ мною

(*) Ежели бы когда нибудь Французское правительство или другое какое свѣдало, что корабль претерпѣлъ сокрушеніе въ Африканскихъ водахъ, то Агентамъ сего правительства, пребывающимъ въ Могадорѣ или въ Тангерѣ, слѣдовало бы только отнестись къ

мною вещахъ, подумалъ онъ, что я весьма богатой Христіанинъ, и въ слѣдствіе сего проѣхалъ онъ болѣе ста миль ища меня купить, но однакожъ я былъ столько щастливъ, что никогда не принадлежалъ сему безчеловѣчному Принцу, бунтующему противъ своего отца.

Между тѣмъ я не встрѣчался болѣе на поляхъ съ нещастными моими товарищами. Наипаче сожалѣлъ я о собесѣдованіи съ Капитаномъ; ибо я къ нему привыкъ, разсуждалъ съ нимъ о нашихъ бѣдствіяхъ, и о надеждѣ увидѣть вскорѣ наше отечество, и въ семъ находилъ нѣкоторое утѣшеніе. Въ одинъ вечеръ, какъ прохладная погода заманила моихъ верблюдовъ въ окрестныя пастбы, и они забрели далѣе обыкновеннаго, я принужденъ былъ слѣдовать за ними

одному Жиду въ Гдаднумъ, по имени Аарону. Ибо сей Жидъ посылаетъ лазутчиковъ въ разныя Африканскія страны, для истребованія бѣдныхъ полоненниковъ. Таковой совѣтъ, внушаемый мнѣ человѣколюбіемъ, есть самый лучшій, которому бы всегда надлежало слѣдовать.

ними даже до сосѣдней деревушки. Боже мой! какое ужасное зрѣлище поразило глаза мои! Нещастный Капитанъ, котораго почти не можно бы было узнать безъ бѣлаго цвѣту его тѣла, лежалъ протянувшись по песку. Онъ засунулъ въ ротъ одну свою руку, которую безъ сомнѣнія воспрепятствовала ему пожрать чрезвычайная его слабость. Онъ столько измѣнился отъ голоду, что болѣе походилъ на страшный трупъ, нежели на живаго человѣка. Всѣ черты его были совершенно изглажены.

Спустя нѣсколько дней послѣ того, вторый Капитанъ упавъ отъ изнеможенія подъ гуммовымъ деревомъ, едва не достался въ добычу ужасной змѣѣ. Голодные вороны устрашили карканьемъ своимъ ядовитое животное и налетѣли на умирающаго, что бы разтерзать его на части. Четверо дикихъ, чудовища гораздо лютѣйшія пресмыкающейся яростной змѣи, будучи самовидцами сея сцены, оставили нещастнаго бѣдняка биться понапрасну. Я хочу бѣжать къ нему на помощь стара-

ясь его спасти, ежели только не прошло еще время. Варвары останавливают меня и ругаясь надо мною, говорят: „сей Христіанин „будет горѣть во пламени.„ Я удалился от сего страшнаго мѣста, не зная, в которую сторону направить мои шаги. Меня вели за собою мои верблюды и бараны, и я не в состояніи был загнать их в хлѣвы. Не возможно представить себѣ тѣх чувствованій, коими волновалась тогда душа моя. Слезы текли обильно из глаз моих и мрачныя предчувствія умножали мою горесть. Дошед до палатки не знал я, что дѣлать. Мнѣ безпрестанно воображались плотоядныя птицы, терзающія и уносящія на воздух члены нещастнаго моего товарища. Хозяин мой, будучи тронут моим замѣшательством, спросил меня, что со мною здѣлалось, и для чего перемѣлил я пяты у верблюдов.„ „Пройди, отвѣчал я ему нѣсколько „шагов, поди и посмотри слѣдствіе „твоего и жены твоей безчеловѣчія. „Ты оставил на смерть моего то-

„варища; и какъ худое его здоровье „не позволяло болѣе ему трудить„ся, то ты не послалъ ему молока, „нужнаго для поддержанія его суще„ствованія. Но въ семъ-то самомъ „положеніи надлежало бы тебѣ уско„рить къ нему на помощь.„ Говоря такимъ образомъ, скрывалъ я мои слезы, кои въ сихъ чудовищахъ ничего бы инаго не возбудили, кромѣ смѣха. Они посылали меня отыскать обагренный кровію поясъ нещастной жертвы ихъ варварства. Я былъ пораженъ досаднымъ симъ предложеніемъ. Нечаянная перемѣна и папоротникъ, которой я ѣлъ для утоленія голода, причинили мнѣ жестокую рвоту, приведшую меня въ совершенное изнеможеніе. Между тѣмъ собравъ послѣднія мои силы, удалился я за кустъ, гдѣ нашелъ другаго нещастливца. Онъ спрашивалъ меня о причинѣ моего крика, спрашивалъ, не видалъ ли я Бодрея? Не подалеку отсюда, отвѣчалъ я ему, не желая и не могши болѣе съ нимъ говорить: — но сестра нашего Господина, принесши ему молока, закри-

чала

чала во весь голосЪ: „знаешь ли ты, „что вЪ сiю минуту вороны пожи-„раютЪ внутренность Бодрея; ско-„ро и сЪ тобою случится тоже са-„мое: ты ничемЪ его не лучше.„ Не смотря на крайнее мое безсилiе, мнѢ очень хотѢлось отвѢчать сей тигрицѢ, но сберегая товарища моего отЪ всякаго вреда, почелЪ я за нужное молчать. Ежели бы я первой началЪ сЪ нимЪ говорить, то пересказывая ему о семЪ приключенiи, могЪ бы смягчить жестокость онаго, но тогда было уже поздно, меня предупредили и мнѢ оставалось только сЪ нимЪ плакать.

Здоровье мое, которое до сего времени было лучше сохраняемо, стало ослабѢвать. Кожа на тѢлѢ моемЪ двоекратно перемѢнялась. ВЪ третiй разЪ тѢло сЪ несказанною болью начало покрываться (ежели можно употребить сiе выраженiе) чешуею, подобною чешуѢ АраповЪ. ТерновникЪ, колючiя спицы, по которымЪ я ходилЪ, ободрали ноги мои до костей, и я не могЪ почти на нихЪ стоять; наконецЪ борзыя

 соба-

собаки, которыми травили меня безпрестанно, и отъ коихъ не могъ я оборониться безъ того, чтобъ они жестоко меня не ранили, все сіе привело меня въ несостояніе пасти верблюдовъ. Къ пущему нещастію, въ концѣ Апрѣля и Марта чрезмѣрные жары высушили воду во всемъ округѣ, да и не упало ни одной дождевой капли на засѣянную мною землю. Скотъ нашъ не находя нигдѣ корму, едва не померъ на канунѣ того дня, въ которой два поколѣнія Лабдессебовъ и Уаделимовъ по учиненіи долгихъ разсужденій рѣшились наконецъ искать земель обработываемыхъ трудолюбивѣйшими руками.

Уаделимы распространили опустошеніе даже до Гуаднума на триста миль отъ того мѣста, гдѣ мы кочевали. Нѣкоторыя Лабдессебскія орды, будучи не столько бродливы какъ первыя, остались позади; они были не очень многолюдны, и слѣдственно нашли въ сосѣднихъ округахъ довольно травы для прокормленія стадъ своихъ. Перерѣзав-

нѣ

нѣсколько овецъ, дожили они безъ всякаго неудобства до конца слѣдующаго мѣсяца, эпохи, въ которую отправились они въ походъ выбираясь вонъ изъ степей, гдѣ всѣмъ жителямъ угрожала ужасная бѣдность.

Я находился въ самомъ жалкомъ описанномъ мною положеніи, какъ случай допустилъ намъ встрѣтиться съ однимъ Арапомъ, ведущимъ съ собою Христіанскаго невольника, котораго я тотчасъ призналъ. Это былъ хлѣбникъ нашего корабля. Незнакомой Арапъ соглашался уступить его моему Господину за сходную цѣну; а сей ни мало не безпокоясь, чѣмъ бы можно было насъ прокормить, съ поспѣшностію отдалъ верблюда за новаго невольника, которому поручилъ онъ обыкновенную мою работу. Почему я улучилъ время поправить нѣсколько мое здоровье. Бѣдной хлѣбникъ платилъ очень дорого за то пропитаніе, которое умѣлъ онъ себѣ доставить . . . Но я не буду упоминать о дѣлахъ прежде времени.

Перѣвъ всѣхъ улитокъ, находившихся въ нашемъ округѣ, питались мы овцами, умиравшими съ голоду или отъ болѣзни. Сіе возродило въ насъ идею душить по ночамъ молодыхъ козлятъ; ибо мы увѣрены были, что наши Господа ихъ бросятъ по тому, что законъ ихъ не позволяетъ имъ ѣсть никакой мертвечины.

Сія небольшая уловка причиняла весьма частыя смерти, но скоро догадались, что козлы, казавшіеся ввечеру (когда собираютъ стадо) очень здоровыми, были на другой день по утру обыкновенно задушены. Наши нужды произвели подозрѣнія и насъ застали на самомъ дѣйствіи: но мы отдѣлались отъ сего побоями и ругательствомъ; въ случаѣ же вторичнаго покушенія хозяева хотѣли намъ перерѣзать горло. Между тѣмъ надлежало помышлять о новыхъ способахъ пропитанія. По доброму моему сложенію тотчасъ возвратилъ я прежнія мои силы, и могъ вязать на продажу пуки хвороста, коего здѣсь расходится на топ-

ку очень много. Ибо въ сихъ странахъ не можно по ночамъ пробыть безъ огня ни въ какое годовое время, а женщины, присматривающія за хозяйствомъ, весьма лѣнивы и сами дровъ никогда не рубятъ. Небольшая моя торговля доставляла мнѣ довольно молока, коимъ я питался и снабжалъ еще онымъ бѣднаго и больнаго Г. Девуаза.

Какъ въ одно утро пріуготовлялся я итти вязать фашинникъ, то сей другъ обращая ко мнѣ рѣчь томнымъ голосомъ, сказалъ: „Уже „все мое воображеніе изчезло: до се„го времени я всегда надѣялся уви„дѣть мое отечество, но теперь „чувствую, что силы меня остав„ляютъ. Сего вечера, да, сего вече„ра, мой другъ, ибо я могу припи„сать вамъ сіе названіе за ваши по„печенія, найдете вы здѣсь оледе„нѣвшее и мертвое тѣло. Бѣгите, „любезный мой Бриссонъ, бѣгите „изъ сего проклятаго жилища. По„кушайтесь и предпринимайте всѣ „возможныя средства, лишьбы толь„ко скорѣе отселѣ вырваться: вамъ

„ назначено жить въ благополучнѣйшихъ мѣстахъ. Ежели Богъ услышитъ мои молитвы въ ту минуту, когда я предамъ ему мою душу, то онъ возвратитъ васъ къ супругѣ и ко удаленному вашему семейству. Прощай, мой другъ; слезы, которыя стараетесь вы отъ меня сокрыть, служатъ новымъ знакомъ вашей ко мнѣ привязанности. Отпишите къ моему брату, увѣдомьте его, что послѣднія мои слова произносились на испрошеніе ему благословенія, и что я умираю съ чувствіями истиннаго Христіанина. — Прощай, послѣдній мой часъ приближится ко мнѣ скорѣе, нежели я о томъ думаю, я преставляюсь. „ Въ самомъ дѣлѣ въ сіе самое мгновеніе испустилъ онъ свой духъ.

Нѣкоторые дѣти, бывшіе очевидцами моей горести и его кончины, разнесли о семъ слухъ по всей селидьбѣ. Сестра моего Господина прибѣгаетъ и тотчасъ опять скрывается производя великой смѣхъ. Нѣкоторые сосѣди тронувшись, какъ ду-

думалъ я, моими вздохами, оттащили меня отъ сего бездыханнаго тѣла. Они подавали мнѣ молока и между тѣмъ обращали въ смѣхъ мое прискорбіе. „Для чего, говорилъ я „имъ, порицать слезы, посвящаемыя „моему другу? Я многократно примѣ„чалъ, что вы сами въ таковыхъ „случаяхъ катаетесь по песку и „камнямъ; я видалъ ваши глаза омо„ченные слезами. Не уже ли вы себѣ „воображаете, что наша душа не „чувствуетъ тѣхъ сожалѣній, ка„кія ощущаетъ ваша? выдьте изъ „своего заблужденія. Въ нещастіяхъ „мы всѣ братья и други.„ Но я не въ состояніи былъ говорить имъ болѣе. Мнѣ не можно было долго стоять въ присутствіи сихъ тварей, имѣвшихъ только одинъ человѣческій образъ и гораздо лютѣйшихъ, нежели самые свирѣпые и страшные звѣри.

Хотя я не прежде познакомился съ Г. Девуазомъ, какъ со времени отъѣзда нашего изъ Франціи, однакожъ я былъ весьма чувствителенъ къ лишенію его жизни. Тихой его ха-

характеръ, постоянной нравъ, привычка, а всего болѣе, можетъ быть, одинакое наше положеніе, все сіе содѣйствовало къ сопряженію насъ тѣснѣйшимъ дружествомъ. Я сожалѣлъ объ немъ очень живо, ходилъ въ поля, искалъ единаго оставшагося у меня товарища, и мы часто удалялись въ луга съ нашими стадами, коихъ стереженіе становилось отъ часу многотруднѣе по причинѣ рѣдкости пажитей.

По прибытіи нашемъ приказали намъ отнести трупъ и вырыть преглубокую могилу, дабы говорили намъ Арапы, сокрыть сего Христіанина отъ взора ихъ дѣтей. Мы отдали ему послѣдній долгъ съ великимъ неудобствомъ; ибо мы столько ослабѣли, что не могши его на себѣ нести, принуждены были тащить его за ноги почти цѣлую милю; и какъ земля набросанная по краямъ могилы подо мною обрушилась, то я первой туда упалъ и мнѣ представлялось, что я издохну подъ тяжестію мертваго тѣла.

Спу-

Спустя нѣсколько дней, оставили мы сіи мѣста и искали плодоноснѣйшихъ. Мы стояли лагеремъ въ сосѣдствѣ различныхъ поколѣній. Тамъ встрѣтился я однажды съ однимъ изъ нашихъ матросовъ, по имени Дену, которой также какъ и я былъ невольникомъ. — Я спросилъ у него извѣстій о его товарищахъ. „Шестеро изъ нихъ, говорилъ онъ „мнѣ, были увезены сыномъ Императора вскорѣ послѣ нашего кораблекрушенія: они отправились обратно во Францію. Г. Лекарь Таффаро „умеръ отъ палочныхъ ударовъ, „полученныхъ имъ въ голову. Господинъ Подпоручикъ Рабуанъ умеръ „также отъ жестокихъ мученій. „Другіе, желая избѣжать ужасовъ „голода, отреклись отъ своей вѣры. „Чтожъ касается до меня, милостивый Государь, то я скоро, думаю, соединюсь съ первыми. Посмотрите, въ какомъ я нахожусь „состояніи. Нѣтъ, кажется, никакихъ мучительныхъ пытокъ, которыхъ бы я не вытерпѣлъ во время моего порабощенія. Ахъ! бѣд-

„ной

„ной мой соотчичь, отвѣчалъ я „ему, не предавайся твоей печали. „Ежели то правда, что шестеро „изъ твоихъ товарищей возврати-„лись во Францію, то Министръ не-„медленно узнаетъ о нашемъ поло-„женіи; его приказанія послѣдуютъ „вскорѣ за первыми движеніями его „сердца: онъ велитъ учинить изы-„сканія, и я не сумнѣваюсь, чтобъ „наши бѣдствія не окончились въ „скоромъ времени.„

По истиннѣ я угадалъ. — Ибо Г. Маршалъ Кастри, при полученіи перваго извѣстія о нашемъ кораблекрушеніи, отдалъ самъ дѣйствительной приказъ, чтобы насъ скорѣе выкупить. Но его милость Виценконсулъ Мюръ, къ которому адресованы были сіи приказанія, ни мало не сообразовался съ намѣреніями Министра, а занимался единственно оказываніемъ прислугъ Мароксному Императору и его чиновникамъ, коихъ осыпалъ онъ весьма знатными подарками на щотъ Французскаго двора.

Сей

Сей Агентъ могъ бы удобно доставить намъ свободу, отправивъ въ Гуаднумъ какого-нибудь Арапа, или жидовскаго купца, которой съ помощію ста піастровъ (не съ большимъ сто рублей) проѣхалъ бы всѣ степныя мѣста, и слѣдовательно издержалъ бы въ дорогѣ очень не большую сумму до окрестностей Марокка. Какъ скоро повѣстилъ бы онъ тамъ привозить на продажу Христіанскихъ невольниковъ въ Могадоръ: то Арапы съѣхались бы туда съ ними со всѣхъ сторонъ для полученія выкупа; они бы съ радостію употребляли тамъ вырученныя деньги на покупку пшеницы и ячменю, которой продается въ Сентъ-Круа, что въ Варваріи, въ великомъ количествѣ. — Но Вицеконсулъ по нерадѣнію своему продолжилъ наши нещастія. Арапы, наши Господа, весьма остерегались предпринять долгое, многотрудное и опасное путешествіе, не надѣясь получить за то никакой прибыли. И такъ Господинъ Мюръ почелъ за должность отозваться Министру только въ

томъ,

томъ, что онъ для отысканія насъ приложитъ всѣ свои попеченія. Поступокъ сего Мюра столько достоинъ порицанія, что я не только почитаю его подлымъ донощикомъ, но и за честь себѣ вмѣняю предъявить на него моимъ начальникамъ. Сіе долженъ я здѣлать единственно для блага человѣчества.

Какую на противъ того похвалу обязанъ я приписать Гг. Депрату и Кабанню, торгующимъ въ Магадорѣ! Ихъ патріотической любви одолжена возвращеніемъ своимъ наибольшая часть нещастныхъ людей, претерпѣвшихъ кораблекрушеніе. Производимая ими во внутренности земель знатная торговля здѣлала ихъ почтенными какъ въ городахъ, такъ и въ столицѣ. Ежели бы Агенты всегда слѣдовали ихъ совѣтамъ, то сколь бы многіе проступки и нещастія были предупреждены! Надобно надѣяться, что нынѣ возложено будетъ сіе попеченіе на Генералъ Консула, дабы онъ ревностно требовалъ выдачи всѣхъ нещастныхъ,

кои

кои попадутся въ полонъ при сихъ берегахъ.

Я возвращаюсь къ моему повѣствованію. Мнѣ безпрестанно представлялся въ памяти разговоръ матроса и я не понималъ, почему были мы оставлены и забыты, когда столько находилось средствъ къ нашему освобожденію. Размышляя о причинахъ сего совершеннаго забытія и отходя за мои кусты, весьма я удивился, увидѣвъ верблюдовъ моего хозяина, возвращающихся безъ пастуха: уже было очень поздно, а онъ еще не приходилъ. Меня позвали для полученія порціи молока, и я не видалъ бѣднаго сего сторожа. Я спрашивалъ, гдѣ бы онъ по сіе время могъ замедлить? Мнѣ отвѣчали очень холодно да и выгнали меня вонъ изъ палатки. Смущенной видъ моего хозяина и жены его заставили меня подозрѣвать въ разсужденіи хлѣбника. Ночная темнота не позволяла освѣдомиться о его жребіи. По утру весьма рано одинъ молодой пастухъ увѣдомилъ меня, что Сиди Магамметъ, подозрѣвавшій хлѣбника въ со-

сосаніи у верблюдовЪ молока, пошелЪ за нимЪ вЪ слѣдЪ и заставЪ его вЪ самомЪ дѣлѣ сосущимЪ, схватилЪ его за горло и удавилЪ. „Берегись и „ты Христіанинъ, примолвилЪ мнѣ „молодой пастухЪ; прикасающійся „кЪ сосцамЪ нашего скота ихЪ ос„скверняетЪ. ХозяинЪ или всякой дру„гой АрапЪ, властенЪ за сей про„ступокЪ наказать невольника смер„тію; я о семЪ тебя предупреждаю. „Берегись же учинить такое свято„татство.„

Я едва могЪ повѣрить сему безчестному дѣлу; бѣгу вЪ палатку и требую изъясненія на сказанное мнѣ молодымЪ АрапомЪ. Всеобщее молчаніе подтвердило слышанное мною, и я предался всей моей досадѣ. Всякой ко мнѣ бѣжитЪ. Но одинЪ только двоюродной братЪ моего Господина обнаружилЪ нѣкоторыя чувствія сострадательности. „Для че„го, говорилЪ онЪ ему, не продалЪ „ты мнѣ сихЪ невольниковЪ, когда „я намѣренЪ былЪ у тебя ихЪ ку„пить? Какое удовольствіе и какую „получаешь ты прибыль, умерщвляя

„ихЪ

„ихъ бѣдственнымъ образомъ? Для
„чего поступать такъ безчеловѣчно
„съ послѣднимъ и однимъ твоимъ
„рабомъ? Ты самъ признаешь его
„заслуживающимъ почтеніе и подо-
„зрѣваешь за Короля. Доставленное
„имъ тебѣ богатство, долженство-
„вало бы, кажется, побудить тебя
„къ милостивому и великодушному
„съ нимъ обхожденію.„

Сей послѣдній выговоръ произвелъ зависть во всѣхъ предстоявшихъ свидѣтеляхъ. Они единогласно склонялись на мою сторону. Но при всемъ томъ одинъ только Сиди Селлемъ говорилъ духомъ доброжелательства. Прочіе зачинали говорить послѣ него изъ уваженія къ его пожилымъ лѣтамъ и къ его богатству. Это былъ тотъ самой Сиди Силлемъ изъ Ларруссійскаго поколѣнія, которой поступилъ съ нами по кораблекрушеніи весьма снисходительно, которой мнѣ предсказалъ, что я со временемъ буду раскаяваться и сожалѣть не согласившись быть его рабомъ.

И такъ я остался во всей селидьбѣ одинъ только невольникъ. Мнѣ неможно уже было ни съ кѣмъ разговаривать о моей скорби и печаляхъ. Положеніе мое становилось отъ часу плачевнѣе, но между тѣмъ я рѣшился болѣе себя не принуждать. „Пойдемъ съ упованіемъ про„тиву всѣхъ опасностей, говорилъ „я самъ себѣ. Я противостоялъ до „сего времени чрезвычайнымъ утом„леніямъ. Мое здоровье обѣщаетъ „мнѣ преодолѣть новыя; перенесемъ „ихъ мужественно, можетъ быть „Провидѣніе скоро престанетъ меня „испытывать.„

Сія рѣшимость и показанный мною поступокъ передъ уничижавшими меня, привлекъ мнѣ отъ дикихъ нѣкоторое уваженіе, такъ что отъ времени до времени началъ я жить позади ихъ палатокъ. Я пилъ иногда изъ одного съ ними сосуда. Хозяинъ мой оставилъ меня въ покоѣ и не заставлялъ болѣе стеречь скота. Правда, онъ не говорилъ уже мнѣ ничего о вольности, но и я не сталъ бы уже вѣрить его словамъ.

вѣроломство его столько было мнѣ извѣстно, что я не имѣлъ къ нему ни малѣйшей довѣренности.

При всемъ томъ надлежало мнѣ вязать по прежнему пуки хвороста, дабы чрезъ сіе ремесло достать себѣ пропитаніе. Часто жажда приводила меня въ несказанное бѣшенство. Надобно прежде узнать всѣ ея мученія, чтобъ справедливо судить о крайностяхъ, коимъ она можетъ подвергнуть человѣка. Я видалъ нѣкоторыхъ Араповъ, кои сами были отчаянны. Многіе изъ нихъ умирали съ голоду и жажды. Годовое время не обѣщавало имъ никакого облегченія. Засуха снѣдала жатвы въ четвертый разъ. Сіе жестокое состояніе столько раздражило умы жителей разныхъ поколѣній, что они вступили между собою въ войну. Они отнимали другъ у друга скотовъ, и убитыхъ верблюдовъ сушили мясо: — молока почти совсѣмъ не стало. Воды было и того меньше потому, что ее ни въ какихъ степныхъ сторонахъ, выключая смежныхъ съ моремъ, отыскать не можно, да и сія

самая вода бываетъ также соляна, черновата и заразительна. Такое худое питье вмѣстѣ съ оскудѣніемъ паствъ всегда удаляетъ Араповъ отъ морскихъ береговъ. При всеобщемъ лишеніи съѣстныхъ запасовъ, никто не смѣетъ пуститься въ походъ. Въ сихъ-то крайнихъ обстоятельствахъ усмотрѣлъ я все, что нужда можетъ внушить человѣку. Убитые верблюды доставляютъ неимущимъ молока питье, хотя впрочемъ и весьма отвратительное. Они рачительно сохраняютъ воду, обрѣтаемую въ желудкѣ сихъ животныхъ, отдѣляютъ ее отъ кала, и когда жмутъ ее очень долго, то выходитъ изъ нее зеленая жидкость, съ которою не рѣдко жарятъ мясо. Но вода, доставаемая изъ внутренности козъ, пахнетъ довольно пріятнымъ укропомъ. Здѣланная на ней похлебка не всегда казалась мнѣ противною; бульіонъ же изъ верблюжьей воды столько невкусенъ, что почти не льзя его поднести ко рту. Всего болѣе удивило меня то, что сіи животныя, кои пьютъ только по

по два или по три раза вЪ годЪ и ѣдятЪ весьма изсохшія растѣнія, имѣютЪ вЪ желудкѣ превеликое количество воды, особливо верблюды.

Бдящее обо мнѣ Провидѣніе пеклось также о сохраніи дней моихЪ, которые хотѣлЪ я сократить, подвергая себя воинскимЪ опасностямЪ. Жизнь моя учинилась для меня тягостною. ВЪ надеждѣ увидѣть скончевающимся ея теченіе, просилЪ я у моего Господина позволенія итти на тѣ мѣста, гдѣ паслись его стада и соединиться тамЪ сЪ жителями, для защищенія ихЪ отЪ разбойниковЪ. Предложеніе мое было принято; онЪ уступилЪ мнѣ своего бѣгуна, пистолетЪ, единое, бывшее во владѣніи его огнестрѣльное оружіе. ОнЪ началЪ молиться для испрошенія у небесЪ цѣлости своему верблюду и щастія союзному оружію. И такЪ имѣя вЪ рукѣ пистолетЪ, отправился я вЪ походЪ вмѣстѣ сЪ однимЪ родственникомЪ моего Господина. Я дошелЪ сЪ симЪ провожатымЪ до средины ратниковЪ, не наблюдавшихЪ никакого порядка. Не

льзя никакъ распознать, ретируются ли они, или нападаютъ одни на другихъ; я видѣлъ только тучу людей и пыль; но непонялъ, какъ они могли различать каждой свою партію. Верблюдъ мой, не привыкшій конечно къ таковымъ походамъ, шелъ на непріятельской огонь очень тихо. Провожатой вскорѣ отъ меня удалился, и тотчасъ упалъ мертвымъ отъ одного удара, прострѣлившаго ему голову. Испуганный мой верблюдъ началъ дѣлать страшныя прыжки и сбросилъ меня на песчаную кучу. За десять отъ себя шаговъ тотчасъ настиженъ я былъ однимъ пѣшимъ Арапомъ; онъ выстрѣлилъ въ меня изъ пистолета, и сдѣлавъ промахъ вдругъ повалился предъ моими ногами. Другой Арапъ набѣжалъ на меня съ кинжаломъ въ рукѣ; онъ готовился уже пронзить мою грудь, какъ въ то самое мгновеніе, по содѣйствію нѣкотораго чуда, рука его поднявшись выше головы, запуталась въ распущенной по плечамъ его чалмѣ. Пользуясь сею минутою, выстрѣлилъ я въ него изъ пистолета, и въ туже

секун-

секунду далъ ему сильной толчекъ, отъ чего упалъ онъ безъ памяти. Это было единая польза, которую могъ я получить отъ моего оружія. Мнѣ нечѣмъ было его заряжать, хотя на сраженіе обыкновенно выступаютъ съ четырью или пятью запасными зарядами. Пистолетъ мой два раза осѣкся и не произвелъ огня. Сія неудача случается очень часто, когда оружія и порохъ бываютъ негодные: такимъ образомъ сраженія Арапов рѣшатся очень скоро. Самый величайшій порокъ сихъ дикихъ состоитъ въ томъ, что они дерутъ лице свое ногтями и бьютъ себя кинжаломъ. Верблюды, вообще привыкшіе къ симъ сшибкамъ, мѣшаются въ толпѣ поднимая великой ревъ. Они кусаютъ и разсѣваютъ непріятелей гораздо скорѣе, нежели вооруженные ихъ всадники.

По окончаніи сраженія, многіе изъ нашихъ Араповъ подходя ко мнѣ говорили: что я храбръ и проворенъ. Они увѣрены были, что я убилъ трехъ человѣкъ, хотя я не болѣе оказалъ подвиговъ, какъ только по-

ранилъ одного Арапа. Я оставилъ ихъ въ семъ заблужденіи, и старался стрѣлять изъ пистолета, дабы обезопасить мою славу.

Поелику судьба меня щадитъ, говорилъ я тогда самъ себѣ, то могу на все покуситься. Я вознамѣрился убѣжать и унести у моего Господина всѣ данныя мной ему галантерейныя вещи. Съ симъ имѣніемъ вздумалъ я перейти къ другому поколѣнію. Вотъ мое умозаключеніе. Ежели встрѣтится со мною какой нибудь Арапъ, то онъ взявъ мои вещи, не будетъ меня допрашивать, но за нужное почтетъ укрываться, дабы привести въ безопасность свою добычу, и я скорѣе принужу его ѣхать въ Марокъ. Сіе предпріятіе казалось мнѣ превосходнымъ. Я не зналъ, по какой надлежало мнѣ итти дорогѣ, не зналъ и того, какимъ подверженъ буду опасностямъ. И такъ спѣшилъ я исполнить мое предпріятіе: по щастію оно мнѣ очень удалось. Я схоронилъ всѣ вещи въ одну яму до другаго дни, въ намѣреніи присоединить къ моему имѣнію какое ні-

есть

есть покрывало, дабы предохранить себя отъ холода.

Сиди Магамметъ вскорѣ примѣтилъ покражу своего сокровища. Тотчасъ прибѣгаетъ онъ ко мнѣ за кусты. Прозьбы, угрозы, ласки, словомъ, онъ все употребилъ для вынужденія отъ меня его пожитковъ, а особливо усильно просилъ, чтобъ я объ нихъ никому не сказывалъ. „Я заклинаю тебя Магомедомъ „и всѣмъ священнымъ, говорилъ онъ „мнѣ, что неотмѣнно провожу тебя въ Могадоръ и обѣщаю возвратить тебѣ свободу при первомъ „случаѣ. Отдай мнѣ подаренныя тобою вещи, я о томъ тебя прошу „и умоляю. Ежели жена моя, которая уже на сносѣхъ, узнаетъ о „моемъ нещастіи, то ей сдѣлается „припадокъ. Она выкинетъ младенца и, можетъ быть, лишится жизни. Разбери всѣ сіи нещастія, коихъ ты будешь причиною.„

Сіе предостереженіе Сиди Магаммета не много бы меня тронуло, ежели бы я не размышлялъ во время ночи, что могу попасть въ руки

 како-

какого нибудь бѣдняка, которой за скудостію своею не можетъ предпринять долгаго путешествія, или по алчности къ прибытку, навѣрно умертвитъ меня своимъ кинжаломъ. И такъ уступилъ я обстоятельствамъ, притворяясь склоняющимся на его прозьбу. Впрочемъ я сохранилъ все преимущество, которое придавала мнѣ надъ нимъ моя бодрость и сказалъ ему, что ежели онъ не сдержитъ своего слова, то не премину унести у него вторично всѣ возвращенныя ему вещи. Сиди Магаммешъ возобновилъ опять свои клятвы, и обѣщалъ давать мнѣ впредь точную порцію молока ввечеру и поутру. Въ семъ послѣднемъ устоялъ онъ твердо; но болѣе уже не отлучался отъ палатки. Онъ боялся, чтобъ сосѣди его, съ которыми всегда я обращался, а особливо родственники его не услышали о учиненномъ мною похищеніи, и чтобъ дорогая его шкатулка не была у него вторично и навсегда украдена. Я думалъ тогда, что ему хотѣлось искренно отпустить меня на волю.

На

Наконецъ небо назначило ему столько ожиданный мною случай.

Сиди Магамметъ, Шерифъ Таргейскаго поколѣнія, по случаю наѣхалъ на то мѣсто, которое обливалъ я моими слезами. Онъ увидѣлъ меня и спрашивалъ, кто я таковъ. Ему разсказана была моя исторія, а наипаче прихвастано было, что я обладаю въ Сенегалѣ необьятнымъ количествомъ пороху, ружей и проч. Шерифъ тотчасъ подозвалъ меня къ себѣ, спросилъ, какое имѣю я состояніе на островѣ Св. Людовика? Я удовлетворилъ его требованіямъ. По долгомъ разсматриваніи меня закричалъ онъ, не ты ли Бриссонъ? — Ахъ! конечно, это я самой. — Вдругъ пришелъ онъ въ удивленіе; не уже ли вы не знаете сего Христіанина, примолвилъ онъ. Все, что ни находится въ Сенегалѣ, принадлежитъ одному ему. Сей человѣкъ воображалъ, что всѣ товары, лежащіе въ Королевскихъ магазинахъ, по освобожденіи моемъ, учинятся моею собственностію. — Двоюродный братъ моего Господина, ободрясь сими не мно-

многими словами, тотчасъ купилъ меня за пять верблюдовъ.

Я не зналъ еще заключенія сего торга, какъ въ одинъ день вдругъ пораженъ былъ удивленіемъ и радостію. Я возвращался съ моимъ хозяиномъ съ верблюжья водопоя (въ третій разъ во время трехъ мѣсяцовъ), и Арапка приказала мнѣ отнести въ сосѣднюю палатку мѣдные ножницы, которыми ее ссудили. Тутъ находился на сей разъ, часто мною упоминаемый Сиди Селлемъ. Онъ подозвавъ меня къ себѣ говорилъ, что я могу съ нимъ пріуговляться на другой день къ отъѣзду въ Могадоръ. Я столь часто ласкался сею надеждою и столь многократно былъ обманутъ въ моемъ ожиданіи, что не могъ принять сказаннаго имъ за сущую правду. Но нѣкоторые Арапы, слышавшіе сей разговоръ Селлема, удостовѣрили меня, что это не ложное извѣстіе. Самъ старикъ подтвердилъ мнѣ оное вторично. И такъ я бросаюсь къ ногамъ его, плачу, воздыхаю, радуюсь, и не знаю, куда восхищенъ? Ахъ! сколько надоб-

добно знать цѣну вольности, чтобы чувствовать и представить себѣ радостныя мои ощущенія, которыми преисполнено тогда было мое сердце. Одно воображеніе, что мои узы скоро будутъ разорваны, приводило меня въ несказанный восторгъ.

Первый мой покровитель призвавъ меня такъ же къ себѣ говорилъ, что я ему не принадлежу. „Я „исполнилъ мое обѣщаніе, примол-„вилъ онъ, ты увидишь свое отече-„ство.„ Въ сію минуту позабылъ я всякую на него досаду и предавался полной моей радости. Но она еще болѣе во мнѣ усугубилась, когда я узналъ, что буду имѣть себѣ товарища. „Мы найдемъ его за нѣ-„сколько шаговъ отселѣ, говорилъ „мнѣ Сиди Селлемъ.„ Я ни мало уже не думалъ о нещастномъ хлѣбникѣ. Но сверхъ чаянія увидѣвъ его, весьма удивился и спрашивалъ его, какимъ чудомъ былъ онъ воскрешенъ? „Ахъ! отвѣчалъ онъ мнѣ, я не по-„нимаю, какъ я не умеръ. Сиди Магом-„метъ засталъ меня однажды при „сосцахъ верблюжьей самки. Онъ „схва-

„схватилъ меня, началъ очень же-
„стоко бить, и прищемилъ горло
„мое съ такимъ усиліемъ, что я
„упалъ при ногахъ его безъ памяти.
„Но спустя нѣсколько часовъ, вы-
„шелъ я изъ моего обморока и не
„усматривалъ вокругъ себя сего вар-
„вара. Шея моя была вся въ крови;
„вы можете еще теперь примѣтить
„знаки его ногтей. Я съ трудомъ
„поволочилъ ноги къ одной пещерѣ,
„высѣченной въ каменистой горѣ.
„Эхо многократно повторяло мнѣ
„голосъ безчеловѣчнаго моего Госпо-
„дина, которой воротившись назадъ
„искалъ меня или по крайней мѣрѣ
„хотѣлъ узнать, что со мною слу-
„чилось. Но не нашедъ жертвы сво-
„ей на томъ мѣстѣ, гдѣ оставилъ
„меня издыхающаго, кликалъ онъ
„меня со всѣхъ сторонъ. Я не хо-
„тѣлъ ему отвѣчать и рѣшился или
„умереть съ голоду, или итти къ
„морскому берегу въ надеждѣ уви-
„дѣть тамъ какой нибудь корабль.
„Дѣйствительно, я дошелъ туда по
„десятидневномъ пути, но не обрѣлъ
„тамъ никакой пищи кромѣ улитокъ
„и

„и никакого питья, кромѣ своей „урины. Видъ одного небольшаго суд„на, стоявшаго на якорѣ не подале„ку отъ земли, умножилъ мои силы. „Я опрометью побѣжалъ на берегъ, „давалъ о себѣ знать посредствомъ „знаковъ и возвѣщалъ Капитану, „чтобы онъ отправилъ ко мнѣ шлюб„ку. Но едва сдѣлалъ нѣсколько ша„говъ между каменистыми, окру„жающими море горами, какъ схва„ченъ былъ друмя молодыми Арапа„ми (*), которые оттащили меня „отъ морскаго берега на нѣкоторое „разстояніе. Ужасъ видѣть себя въ „ихъ рукахъ, печаль и сожалѣніе о „неполученіи въ предпріятомъ успѣ„ха, и особливо голодъ довели меня „до такой крайности, что я безъ со„мнѣнія бы умеръ, ежели бы Арапы не „подали мнѣ скорѣйшей помощи. „Они прилагали обо мнѣ великое ста„ра-

(*) Арапы, кочующіе вдоль морскаго берега, живутъ только одною рыбною ловлею. Они самые бѣднѣйшіе люди; но не столь свирѣпаго нраву, какъ обитающіе во внутреннихъ степяхъ; чего ради сіи послѣдніе ненавидятъ тѣхъ въ высочайшемъ степени.

„раніе, и съ того дня сдѣлались мо„ими Господами. Мнѣ поручено было „пасти стада козъ, ибо они не дер„жатъ у себя никакой другой ско„тины и не имѣютъ никакого дру„гаго пропитанія, кромѣ доставаема„го отъ рыбной ловли. Новые Госпо„да поступали со мною кротко и „гораздо снисходительнѣе, нежели „живущіе во внутренности степей „лютые Арапы, коихъ сіи послѣд„ніе несравненно трудолюбивѣе. То„му болѣе уже двухъ недѣль, какъ „они обьявили мнѣ, что поведутъ „меня къ Султану; но достигши се„го мѣста, согласились меня про„дать твоему Господину. Мнѣ очень „желательно было, милостивый Го„сударь, примолвилъ онъ, чтобъ вы „находились тогда со мною; по истин„нѣ, вы бы не столько были неща„стливы, ибо я не могу жаловать„ся на сихъ людей. Они много гово„рили мнѣ объ васъ, и повидимому „вы́ должны быть имъ очень знако„мы (*). Но наконецъ вотъ мы опять сое-

(*) Врученныя мною Сиди Магаммету галантерейныя вещи пронесли обо мнѣ во всѣхъ

„соединились вмѣстѣ; что сдѣлает-„ся съ нами? Правда ли то, что по-„ведутъ насъ къ Мароккому Сул-„тану?„

По выслушаніи хлѣбниковой исторіи, отвѣчалъ я на его вопросъ, что мы подлинно отправляемся въ Марокъ, и намъ надлежитъ пробыть въ дорогѣ очень долгое время. „Мы „много пострадаемъ, говорилъ я ему, „ежели будемъ итти по слѣдамъ „верблюдовъ. Впрочемъ мнѣ не из-„вѣстно, чѣмъ будемъ мы питать-„ся, ибо у насъ нѣтъ верблюжьей „самки, и слѣдовательно мы не будемъ „имѣть молока. Я очень опасаюсь, „чтобъ мы не принуждены были „просить себѣ отъ селидьбы подая-„нія, отъ чего дорога наша будетъ „очень продолжительна.„

На другой день жители Таргейскаго поколѣнія собравшись вокругъ Сиди Селлема, читали очень долго

Ж свои

сихъ ордахъ такой громкой слухъ, что Арабскіе путешественники, проѣжжавшіе мимо нашихъ областей, спрашивали моихъ нещастныхъ товарищей: *есъ Бриссонъ* — не ты ли Бриссонъ?

свои молитвы, послѣ которыхъ велѣли принести какъ ему, такъ и намъ котелъ кашицы, сдѣланной изъ дикихъ зеренъ, о которыхъ, думаю, уже упоминалъ я выше. Къ первому сему блюду присовокупили чашу молока, и желаніе добраго пути.

Сиди Магамметъ сдѣлалъ мнѣ очень трогательное прощанье. „Прости Бриссонъ, говорилъ онъ мнѣ, „ты предпринимаешь весьма далекое „и многотрудное путешествіе; со „временемъ узнаешь, сколько имѣлъ „я причинъ не заѣжжать далеко. Я „желаю искренно, чтобы съ тобою „ничего не случилось печальнаго, и „чтобы обратной твой морской путь „былъ щастливѣе прежняго. Прости, не позабудь прислать женѣ „моей алаго сукна. Ты можешь поручить оное Сиди Селлему — про„щай, другъ мой Бриссонъ.„ Слезы, сопровождавшія послѣднія сіи слова, обманули бы всякаго человѣка, который не знаетъ, сколько сей человѣкъ умѣлъ притворяться. Впрочемъ удовольствіе мое, что я съ нимъ разлучаюсь, заставило меня изъявить

ему

ему благодарность. Я обязался даже прислать алаго сукна для жены его. Онъ помогалъ мнѣ садиться на большаго верблюда, назначеннаго для меня и хлѣбника, котораго однакожъ принуждены мы были послѣ покинуть; ибо намъ кормить его было нечѣмъ, да и верблюды въ сихъ странахъ не могутъ догло выдерживать усталости. Съ другой же стороны, ежели не осѣдлаешь сего животнаго, то оно обдеретъ у тебя кожу до самыхъ костей. И такъ надлежало намъ итти пѣшкомъ въ продолженіе всего путешествія. Сколько я страдалъ, когда песокъ проходилъ въ раны мои, и когда колючія иглы язвительно царапали мои ноги! Часто падалъ я на землю не надѣясь опять приподняться. Между тѣмъ должно было поворачивать на право и на лѣво для собранія отстающихъ назади верблюдовъ: многократно колесили мы туда и сюда опасаясь настиженія наѣжжающихъ ордъ.

Въ одинъ день, увы! коль долго воспоминаніе сего печальнаго дня будетъ

детъ печатлѣться въ моей памяти! прибыли мы въ долину, которая отъ выпадшихъ дождей покрылась зеленью. Господинъ мой остановился тутъ кормить голодныхъ верблюдовъ. Онъ всходитъ на вершину одной высокой горы, окружающей сію долину; садится на нѣкоторомъ скатѣ, смотритъ на пасущійся свой скотъ и на верблюдовъ, коихъ велъ онъ въ городъ на продажу. Я прохожу мимо его пробираясь къ возвышеннѣйшему мѣсту и воображая, что по этой дорогѣ надлежитъ намъ слѣдовать. Болѣе всего утвердило меня въ моемъ мнѣніи то, что старикъ позволилъ мнѣ итти далѣе и выше; я увидѣлъ набитую тропинку. Между тѣмъ поднявшись на самой верьхъ, поворачиваю я на нѣсколько шаговъ отъ тропинки для отрясенія долгой бороды, которая безпрестанно наполнялась всякими насѣкомыми гадами, не смотря на всѣ мои старанія. Прошло около часа, какъ я притаившись къ одному кусту, не вижу ни одного изъ нашихъ путешественниковъ. Тогда

воз-

возвращаюсь я на край горы. Боже мой! какъ я ужаснулся никого не усматривая! гдѣ они? куда дѣвались? какую выбирать мнѣ дорогу? . . . и какъ Орды, стоящія иногда лагеремъ въ сихъ окрестностяхъ, заходятъ туда кормить свои стада, то безчисленное множество дорогъ смыкаются тамъ одна съ другою. Сперва не придумалъ я другаго средства, какъ только по различныхъ пріемахъ аукаться Сиди Селлему. Наконецъ примѣчаю вдали пять или шесть приближающихся ко мнѣ Араповъ. Я бѣгу къ нимъ почитая ихъ моими спутниками. Но узнаю мое заблужденіе; превеликая собака и самый сильнѣйшій изъ сихъ варваровъ меня настигаютъ. Арапъ ударивъ меня въ голову, сшибаетъ съ ногъ тупою стороною своей сабли. Тотчасъ прибѣгаютъ другіе, тащатъ меня въ горную ущелину, служащую имъ убѣжищемъ, и тамъ пріуготовляютъ мнѣ страшную участь.

И такъ надежда къ полученію свободы моей навсегда пропала. Мое рабство становится жесточайшимъ,

какимъ никогда не бывало! Я погруженъ былъ въ моихъ размышленiяхъ, между тѣмъ какъ сiи смертоубiйцы привели меня къ одной пещерѣ, гдѣ хотѣли сокрыть добычу свою отъ взора своихъ товарищей . . . Вдругъ въ окруженной горами долинѣ усматриваю я наши стада и не большой караванъ, состоящiй изъ двадцати человѣкъ. По щастiю вырываюсь я отъ разбойниковъ и нахожу въ себѣ столько силъ, что убѣгаю къ моему старику. Испуганные бродяги возвращаются назадъ.

Господинъ мой сдѣлавъ мнѣ строгой выговоръ, совѣтывалъ впредь отъ него никогда не отлучаться. Я напротивъ того жаловался, что онъ не токмо не предварилъ меня объ опасности, когда я шелъ по тропинкѣ, но еще по видимому показывалъ оную; что удалясь отъ меня, не кричалъ и не посылалъ невольниковъ меня отыскать. „Я не остановилъ „тебя по тому, отвѣчалъ мнѣ Сиди „Селлемъ, что намѣревался самъ „итти по оной, но разсѣянные по „долинѣ и пожиравшiе зеленую тра-

„ву

„ву верблюды, которой они долгое
„время лишались, принудили меня
„слѣдовать за собою. Лишь только
„хотѣлъ я къ тебѣ приближиться,
„примолвилъ онъ, какъ звукъ твоего
„голоса возвѣстилъ мнѣ о твоей
„опасности, которой я самъ могъ
„подвергнуться. Я терялся въ не-
„доумѣніи, не зналъ, что дѣлать,
„оставить ли верблюдовъ, или отва-
„жить мою жизнь для спасенія тво-
„ей; впрочемъ намъ не должно про-
„водить по напрасну времени; уда-
„лимся по скорѣе отъ сего мѣста,
„гдѣ я равномѣрно страшусь напа-
„денія разбойниковъ. Въ самомъ
дѣлѣ, въ продолженіе шести часовъ
удвоили мы ходъ свой и сдѣлали
притворной маршъ, дабы обмануть
разбойниковъ, хотѣвшихъ преслѣ-
довать нашъ караванъ. Въ сей день,
равно какъ и въ слѣдующій мы ни-
чего не ѣли до самаго вечера, такъ
что во время сорока осьми часовъ
или двухъ сутокъ поѣлъ я только
не много дикой цикореи, нарванной
мною въ роковой долинѣ.

На разсвѣтѣ пустились мы въ походъ, переходя горы и долины, наполненныя пережженными и подобными угольямъ кремнями. Изъ подъ сихъ кремней показывалась отъ разстоянія до разстоянія бѣловатая земля, на которой усматривались дерева, пересѣкавшія другъ друга, коихъ корни совсѣмъ выбились. Они лишены коры, вѣтьвей, ломки какъ стекло и ссучены какъ веревки. У одного дерева желтоватаго цвѣту, внутренность наполнена была весьма жесткимъ порошкомъ. Все сіе предвѣщало мнѣ чрезвычайную перемѣну. Мнѣ хотѣлось узнать, не пахнутъ ли сіи тѣла сѣрою; но ни дерева, ни кремни, ни прахъ, заключающійся въ дуплѣ, не имѣли никакого вкуса и запаха.

Не много подалѣе увидѣли мы преужасной высоты горы, кои, казалось, навалены были однѣ на другихъ. Оторвавшіяся отъ нихъ каменныя громады, учинили паденіемъ своимъ многія пропасти. Другія вися на воздухѣ, угрожали путешественнику подавленіемъ; иныя сталкиваясь

ясь между собою и во взаимномЪ ударении своемЪ принимая на себя глинистыя и безпрестанно разливающіяся земли, составили страшные своды. Кругососѣднія долины окружены были каменистыми утесами, изЪ коихЪ возвышался повидимому одинЪ передЪ другимЪ для того, чтобЪ разрушеніемЪ своимЪ произвести не менѣе ужасныя массы. НаконецЪ представился взору нашему длинной рядЪ горЪ, отЪ которыхЪ на каждомЪ шагу отрывались непомѣрной величины глыбы, кои прежде нежели упадали на низЪ, разбивались вЪ мѣльчайшій порошокЪ. СЪ другой стороны вытекали два источника. ОдинЪ вЪ теченіи своемЪ влечетЪ черноватый илЪ, испускающій изЪ себя сѣрной запахЪ. Другой, отдѣленный отЪ перваго небольшимЪ песчанымЪ языкомЪ, шириною на 12 или 13 шаговЪ, казался чище и прозрачнѣе хрусталя. ВкусЪ сихЪ водЪ очень пріятенЪ. Дно ихЪ укрыто небольшими разноцвѣтными кремнями, представляющими глазамЪ прекрасной видЪ.

Въ семъ самомъ мѣстѣ усмотрѣлъ я одну рѣдкость, которую оставляю на разсужденіе моимъ Читателямъ. Въ низу, окруженномъ многими горами, примѣтилъ я сквозь угрожающихъ сводовъ, составившихся паденіемъ разныхъ наваленныхъ одна на другую громадъ, весьма обширную плоскость, которая удивляла меня своимъ разнообразіемъ. Съ начала долина сія показываетъ изъ дали влажную и изрытую землю, такъ какъ бы нѣкогда извивались по ней ручейки. На ней видны многія борозды, укрытыя разными слоями твердой сѣры. Горы, служащія ей окружностію, украшены нѣкотораго роду карнизами и довольно уподобляются водопадамъ. Толстые и красноватые корни, вѣтьви, унизанныя какъ бы лавровыми листами, разстилалась по различнымъ разщелинамъ. — Не много по далѣе къ Западу, представлялись пирамиды изъ толстыхъ кремней, столь же бѣлыхъ какъ и алебастръ. Онѣ предсказываютъ повидимому прибрежіе моря; сквозь нихъ возвышаются финико-

вы

выя дерева, покрытыя корою до самой вершины. Пальмы, наклоненныя къ симъ каменнымъ громадамъ, повѣдаютъ обширностію и толщиною своею о ихъ глубокой древности. Другія, опрокинувшіяся туда и сюда и совсѣмъ обнаженныя дерева, представляютъ самое печальное зрѣлище.

Я отщепнулъ ногтями драницу отъ одной пальмы и приложилъ ее къ устамъ. Она имѣла горькой и соленой вкусъ, но не издавала никакого запаху. Самыя засохлыя пальмовыя дерева разпадаются въ ту самую минуту, какъ скоро до нихъ дотронешся. Жилочки подъ ихъ корою, осыпаны всѣ солковатымъ и наподобіе хрусталя блестящимъ порошкомъ. Древесные корни, висящіе вдоль каменистыхъ горъ, очень клейковаты, и корка отстаетъ отъ нихъ при малѣйшемъ прикосновеніи. Я срывалъ многія вѣтьви дикаго лавра, изъ коихъ тотчасъ выходили бѣлыя капли. Одна таковая, капнувшая на мою руку, капля, причинила мнѣ весьма чувствительную боль и по нынѣ черное неизгладимое пятно.

Я не осмѣлился ихъ отвѣдать. Однимъ словомъ, разноцвѣтные кремни, сѣрные слои, опрокинутыя финиковыя дерева, другія закрытыя до самой ихъ вершины, пространная плоскость, усыпанная чистою солью; земля, наполненная рытвинами, бороздами и размытая, можетъ быть, быстрыми потоками; ободранныя, ежели можно такъ сказать, горы, все повидимому возвѣщаетъ, что нѣкогда заносима была въ сіи мѣста морская пѣна. Я спрашивалъ Сиди Селлема, далеко ли мы находимся отъ моря, и заходилъ ли онъ когда нибудь въ сіе мѣсто? На сіе отвѣчалъ онъ мнѣ, что мы были, можетъ статься, первые люди изъ всего міра, приставшіе къ симъ горамъ; но море полагалъ онъ далѣе къ Востоку, гдѣ надѣялся найти Арапскіе станы, въ которыхъ жили его друзья, странствовавшіе съ нимъ въ Мекку. „Будь спокоенъ, примолвилъ „онъ, солнце мой путеводитель; „оно проводитъ меня до желанныхъ „мною мѣстъ, и ты можешь слѣдо-„вать за верблюдами безъ всякаго „опасенія.„ Въ самомъ дѣлѣ я шелъ

съ

съ большею удобностію; но вскорѣ почувствовалъ опять жестокую боль, особливо когда мои оцарапанныя ноги засорились солковатымъ порошкомъ. По двудневномъ пути я крайне удивился, увидѣвъ себя на морскомъ берегу, а подъ ногами своими пѣнящіяся и катящіяся въ преужасную пропасть волны. Къ восточной сторонѣ, гдѣ я находился, морское теченіе ограничиваемо было крутыми каменными горами. Разсматривая сіе возвышеніе, я не могъ повѣрить, чтобы сія стихія могла когда нибудь заносить свои воды на толикую высоту. И такъ сіи горы, говорилъ я самъ себѣ, могутъ ли служить морю дномъ или ложемъ? Я терялся въ моихъ догадкахъ. . . Впрочемъ, какъ я обязался повѣствовать только о произшествіяхъ, то мнѣ ни мало не приличествуетъ дѣлать ученыя разсужденія.

Подвигаясь всегда впередъ къ Мароккү, пришли мы по нѣсколькихъ дняхъ къ другимъ не меньше возвышеннымъ горамъ, покрытымъ розовыми, желтыми, фіолетовыми, зелеными

ными и другими разноцвѣтными кремнями, а вдали усмотрѣлъ я на весьма великое разстояніе пространной лѣсъ. Въ продолженіе тринатцати мѣсяцовъ, то есть во время странствованія моего по симъ степямъ, не видалъ я еще ни одной рощи. Удивляясь толстымъ деревамъ, выходящимъ изъ средоточія каменистыхъ горъ и висящимъ на подобіе плодовъ, взиралъ я также съ не меньшимъ изумленіемъ на дикихъ козъ, бѣгущихъ одна за другою по симъ деревамъ, перепрыгивающихъ чрезъ каменистые крутые утесы, укрывающихся съ невѣроятною скоростію всякой разъ, когда онѣ кого нибудь примѣтятъ. Какъ скоро одна устремляется въ бѣгство, то всѣ прочія за нею слѣдуютъ. Между многими деревами замѣтилъ я одно, коего листья уподоблялись гуммовымъ, и которое кромѣ сихъ странъ нигдѣ не родится.

Хотя сими лѣсами шли мы трое сутокъ и провели въ нихъ четыре ночи, но я не слыхалъ никакого реву свирѣпыхъ животныхъ, коими насе-

селены Африканскія пустыни. Можетъ быть водятся они въ отдаленнѣйшей къ Востоку сторонѣ, но какъ могутъ они найти себѣ тамъ воду?

Чѣмъ болѣе подавались мы впередъ, тѣмъ болѣе уменьшалась моя бѣдность. Часто проходили мы мимо полей, засѣянныхъ ячменемъ, съ коихъ жатва снята была за день до нашего пріѣзду. Сѣдши на землю, ѣлъ я полевые плоды съ такимъ удовольствіемъ, которое изобразить очень трудно. Вода стала намъ попадаться чаще. Сверьхъ сего часто заходили мы въ такія селидьбы, въ коихъ принимали насъ очень хорошо и ласково. Въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ, гдѣ насъ одныхъ встрѣтили бы хорешею дубинкою, Сиди Селлемъ, какъ путешествовавшій въ Мекку, былъ всѣми уважаемъ. Впрочемъ Арапы Телкенскаго поколѣнія пренебрегаютъ всѣ правила учтивости.

Оказавъ Селлему какъ иностранцу всѣ обыкновенныя почести, принесли они ему въ извѣстный часъ

ячмен-

ячменной муки и молока. Онъ отдалъ мнѣ остатки своего ужина, которые я отошедъ въ сторону, раздѣлилъ съ хлѣбникомъ, моимъ товарищемъ; ибо Христіанской невольникъ, особливо въ путешествіи не можетъ ни пить, ни ѣсть, ниже спать подлѣ своего Господина. По окончаніи сего вечерняго стола, вырылъ я въ пескѣ не глубокую яму, дабы въ нее лечь и во время ночи предохранить себя отъ холода. Для воспрепятствованія же, чтобы песокъ не сыпался въ глаза, накрылъ я голову парусиной, которую носилъ во кругъ пояса: но едва лишъ началъ я сжимать глаза, какъ услышалъ звукъ отъ двухъ ружейныхъ выстрѣловъ, коими мѣтили прямо въ меня, и тотчасъ схваченъ я былъ за тѣло. Я проворно сдернулъ съ головы обвертку, которая уже загорѣлась. Одинъ уцѣпившійся за меня Арапъ спрашивалъ, не опасно ли я раненъ? (Легко можно было догадаться, что огонь, приставшій къ моей парусинѣ, происходилъ отъ ружейнаго заряда . . .) Нѣтъ, отвѣчалъ

чалЪ я ему, но за что вы такЪ со мною поступаете? Милостивый Государь (*), промолвилЪ онЪ, ступай за нами.„ ГосподинЪ мой, пробужденный ружейнымЪ звукомЪ, прибѣгаетЪ на то мѣсто, гдѣ раздавался мой голосЪ. ОнЪ жалуется, что поступлено непріятельски сЪ его рабами, и что нарушены права гостепріимства вЪ разсужденіи толь почтеннаго человѣка, каковЪ онЪ. Горной АрапЪ отозвался ему гордымЪ тономЪ, что во время ночи, когда стерегЪ онЪ свое стадо, увидѣлЪ меня скрывающагося вЪ пескѣ и незнавЪ, что я принадлежу кЪ Селлемовой свитѣ, счелЪ за одного изЪ ночныхЪ скороходовЪ, похищающихЪ молодыхЪ козлятЪ. Сиди СеллемЪ притворясь, будто ему вѣритЪ, хвалилЪ ревность сего злодѣя и отнялЪ

З ме-

(*) ЯзыкЪ, которымЪ Арапы говорятЪ вЪ степяхЪ, весьма различенЪ отЪ городскаго. Сиди СеллемЪ, бывшій одинЪ изЪ ученыхЪ, принужденЪ былЪ многократно для уразумѣнія повторять свои слова предЪ Ефендіемъ, которой вопрошалЪ его вЪ присутствіи Императора.

меня изъ его рукъ. Когда же по мнѣнію его все было спокойно въ станахъ, то спѣшилъ онъ удалиться скорѣе изъ сего мѣста, гдѣ столько же опасался въ разсужденіи себя самаго, какъ и въ разсужденіи меня.

Сіи Телкеннскаго поколѣнія Арапы, суть самые худоучрежденные жители, какихъ только можно найти въ степяхъ. Они живутъ посреди песчаныхъ горъ, наносимыхъ вѣтрами. Иной подумаетъ, что они стараются нарочно укрыть себя отъ дневнаго свѣта: столько-то трудно пробраться въ ихъ убѣжища или выйти изъ оныхъ! смѣжныя съ ними долины, наполнены превеликими змѣями. Три раза былъ я свидѣтелемъ ужаса, причиняемаго ими верблюдамъ, кои испугавшись ихъ, пускались бѣжать во всю прыть и принуждали насъ сдѣлать пребольшой крюкъ, дабы собрать ихъ въ одно мѣсто.

Наконецъ приближились мы къ славному городу Гуаднуму, о которомъ я слыхалъ съ давняго времени. Сквозь пещеръ и ращелинъ каменистыхъ

стыхъ горъ увидѣлъ я вдали городъ, построенный на высокомъ мѣстѣ, коего окрестности предвозвѣщали страшныя укрѣпленія. Но подавшись ближе, усмотрѣлъ я обветшалыя глиняныя стѣны. Нѣкоторые жители едва высовывали голову изъ небольшихъ слуховыхъ оконъ, и казалось, что они умышляли какое нибудь худое дѣйствіе. Начальникъ селенія узнавъ, что Сиди Селлемъ предводительствуетъ симъ малымъ караваномъ, вышелъ къ нему въ сопровожденіи четырехъ черныхъ невольниковъ. Они несли на головахъ своихъ нѣкотораго роду соломенной балдахинъ, которымъ владѣлецъ ихъ подарилъ Сиди Селлема.„ Гуаднумъ »ли я вижу, спросилъ я его? Нѣтъ, »отвѣчалъ онъ мнѣ, это крѣпость »Лабатъ. Городъ лежитъ еще далѣе; »ты можешь отселѣ его видѣть.„ Въ самомъ дѣлѣ, спустя два часа мы въ него прибыли.

Сей столько желанной для меня городъ, есть убѣжище всѣхъ отважныхъ мятежниковъ, собирающихся туда изъ разныхъ поколѣній. Онъ

раздѣляется на двѣ части. Нижнею частію командовалъ Сиди Адалла, а верхнею лежащею на пригоркѣ и очень сходною съ Лабатомъ, управляетъ Губернаторъ. Всѣ домы построены почти на одинъ образецъ. Четыре большія стѣны занимаютъ весьма обширное пространство земли. Люди одинакого разбору строятъ себѣ одинъ домъ, въ которой свѣтъ проходитъ или сверху или въ дверь. Четыре стѣны такого жилья, взведены очень высоко. Во всей окружности строенія дѣлаются только одни вороты, стерегомыя борзыми собаками. Всякой частной человѣкъ держитъ такъ же при себѣ собаку для собственной безопасности, а безъ сей предосторожности, хотя огражденный стѣнами, былъ бы онъ непремѣнно окраденъ своими сосѣдями, кои хитрѣе и отважнѣе его.

Я не могъ сообразить сей всеобщей недовѣрчивости съ знатною производимою въ семъ городѣ торговлею. Я видѣлъ въ городѣ два рынка, которыя по справедливости ничемъ не уступали наилучшимъ

ярман-

ярманкамъ Французскихъ провинцій. Хотя здѣсь ходятъ или обращаются наличныя деньги, однакожъ я думаю, что мѣна разныхъ товаровъ есть главнымъ предметомъ торговли. Въ Гуаднумѣ продаютъ множество превосходной шерсти, а особливо шерстяныхъ матерій, частію бѣлыхъ, частію же красныхъ, употребляемыхъ для платья. Прасолы или барышники, продающіе сіи товары во внутренности степей, платятъ за нихъ верблюдами. Отъ сего они обыкновенно получаютъ четыре на сто, но несравненно болѣе пользуются отъ продажи пшеницы, ячменя, финиковъ, лошадей, барановъ, козъ, быковъ, ослицъ, табака, пороха, гребней, небольшихъ зеркалъ, мишуры и другихъ мѣлочей, которыя далеко не вывозятся. Большой оныхъ расходъ бываетъ въ разныхъ малолюдныхъ Африканскихъ городахъ, гдѣ торгъ уставленъ въ извѣстные дни.

Самымъ удивительнымъ показалось для меня то, что одни только Жиды производятъ сію торговлю.

Впрочемъ они подвержены самымъ язвительнѣйшимъ ругательствамъ и поношенію. Арапъ вырываетъ хлѣбъ (*) изъ руки Израильтянина; входитъ къ нему въ домъ, приказываетъ себѣ подать трубку табаку, часто его колотитъ, обходится всегда съ нимъ нагло, а бѣдной Жидъ сноситъ все терпѣливо. Правда, что онъ вознаграждаетъ сей убытокъ по своему обыкновенію, то есть лукавствомъ, которымъ обманываетъ Араповъ и искуствомъ въ продажѣ товаровъ. Вообще сіи послѣдніе не знаютъ никакихъ оборотовъ.

Два начальника, командующіе въ Гуаднумѣ, не имѣютъ никакого преимущества или перевѣса, кромѣ то-

(*) Въ Гуаднумѣ увидѣлъ я въ первой разъ печеные хлѣбы. За недостаткомъ ли кирпичей и камней, или за неумѣніемъ выстилать плитами печи, всегда раскаливаютъ тамъ не большіе кремни, на которыхъ потомъ пекутъ тѣсто. Хлѣбъ очень хорошъ. Тотъ, которымъ Императоръ ссужаетъ Консула, былъ повидимому испеченъ иначе, хотя я не могу сказать, какимъ образомъ. Я нашелъ его болѣе пріятнымъ для вкуса, нежели всѣ прочіе.

шого, которое придаетъ имъ богатство.

Я повстрѣчался однажды въ семъ городѣ съ однимъ Мавромъ, которой находился на морскомъ берегу во время нашего кораблекрушенія. Я обязанъ ему благодарностію, ибо онъ обходился со мною благосклонно. Своячиница его Пафія, казалось, принимала живѣйшее участіе въ моемъ жребіи. Въ продолженіе осьми дней, которые прожилъ я въ Гуаднумѣ, поручала она мнѣ молоть ячмень. Она кормила меня хорошо, и я могу сказать, что она прилагала обо мнѣ безчисленныя попеченія. Можетъ быть ей хотѣлось, чтобъ я остался съ нею навсегда. Но ничто не можетъ сравниться съ великодушною помощію и пособіемъ, доставленнымъ мнѣ отъ Жида Аарона и его женъ, кои не взирая на всю неблагодарность, показанную имъ отъ многихъ Христіанскихъ невольниковъ, обходятся съ нещастными очень милостиво.

По осьмидневномъ отдыхновеніи оставилъ я Гуаднумъ. До самаго

Могадора намъ ничего не встрѣчалось, опричь селъ или крѣпостей, стоящихъ по большой части на высочайшихъ горахъ. Издали почтешь ихъ за великолѣпныя жилища, но вблизи увидишь самую простую фигуру. Насъ кормили уже не столь хорошо, какъ прежде. Чѣмъ болѣе приближались мы къ городу, тѣмъ меньше находили гостепріимства. Надобно думать, что жители опасаются стеченія чужестранныхъ путешественниковъ.

Мы находились въ походѣ шестьдесятъ шесть дней; силы мои изнурились, ноги опухли, пяты со всѣмъ почти загноились (*). Я безъ сомнѣнія изнемогъ бы до крайности, ежели бы Господинъ мой не говорилъ иногда мнѣ въ ободреніе: „ Ну потерпи „не много, вонъ море, скоро увидишь корабли; теперь ужъ не далеко, мы не долго пробудемъ въ „дорогѣ.„ Надежда меня подкрѣпляла, и

(*) Ногу занозилъ я иглою гуммова дерева, которую не могъ вынуть изъ раны до тѣхъ самыхъ поръ, пока она совершенно сгнила.

и въ то самое время, когда со всѣмъ не чаялъ, увидѣлъ я наконецъ ту пагубную стихію, на которую имѣлъ столько причинъ жаловаться, и которой надлежало еще быть властительницею моей будьбы. Сиди Селлемъ хотѣлъ безъ сомнѣнія повеселиться моимъ внезапнымъ восторгомъ. Выходя изъ густова лѣса вдругъ поднялись мы на вершины небольшихъ песчаныхъ горъ. . . . О! вы, которые читаете сію весьма справедливую исторію, вы никогда не можете вообразить себѣ той радости, которую чувствовалъ я увидя развѣвающіеся флаги просвѣщенныхъ Европейскихъ державъ, любезные оные знаки нашихъ кораблей, стоящихъ на Могадорской рейдѣ, которую я зналъ до того времени подъ именемъ Сойры. Какъ тогда забилась вся кровь въ моихъ жилахъ! какъ затрепетало плѣненное восторгомъ мое сердце! . . „
„Ну, вотъ Бриссонъ, сказалъ мнѣ „Господинъ мой; ну! говорижe? до„воленъ ли ты теперь? видишь ли „корабли? есть ли между ими Фран„цузскіе? Я обѣщался проводить

 „тебя

„тебя къ Консулу, и вотъ теперь „сохранилъ мое слово; но чтожъ? „для чего ты ничего не говоришь?„ Ахъ! могъ ли я что нибудь отвѣчать ему? Слезы катились по изсохшимъ моимъ ланитамъ, и я не въ состояніи былъ произнести ни одного слова. Я смотрѣлъ на море, на флаги, различалъ корабли, городъ; мнѣ казалось, что все сіе есть одна мечта и привидѣніе. Нещастный хлѣбникъ, не менѣе изнуренный и столькоже изумленный, какъ и я, соединяетъ свои вздохи съ моими. Слезы мои омочали руки великодушнаго старика, попустившаго мнѣ наслаждаться столь пріятнымъ восторгомъ.

Наконецъ прибыли мы въ городъ, но я не совсѣмъ еще освободился отъ безпокойствъ. Опасеніе мое состояло въ томъ, чтобъ на быть задержану тамъ навсегда невольникомъ. Передъ выѣздомъ моимъ изъ Франціи слышалъ я, что Императоръ оскорбилъ повѣреннаго въ дѣлахъ Г. Шеніе, и что сей послѣдній жаловался о томъ своему двору. Не знаю, обра-

обратила ли тогда Францiя вниманiе на сiи жалобы. Я не вѣдалъ также, отправила ли она туда новаго Консула; мнѣ во всякомъ случаѣ надлежало опасаться. Но безпокойство мое не долго продолжалось. Входя въ городъ встрѣтился я съ двумя Европейцами. „Кто бы вы ни были, Го„судари мои, говорилъ я имъ, по„смотрите на мою бѣдность, со„благоволите подать мнѣ руку по„мощи; утѣшьте меня, обнадежьте, „гдѣ я нахожусь? Изъ какой вы земли? „какой у насъ нынѣ мѣсяцъ? какое „сего дня число?„ Я адресовался къ двумъ Бордосскимъ жителямъ; они разсмотрѣвъ меня, тотъ часъ пошли увѣдомить Г. Дюпрата и Кабаня, кои поставляли себѣ за долгъ, помогать нещастнымъ, выброшеннымъ на сiи берега жестокою судьбою. Сiи два почтенные человѣка не умедлили притти ко мнѣ, и не гнушаясь отвратительною моею наружностiю, заключили меня въ свои объятiя. Они проливали отъ радости, или отъ удовольствiя пособить нещастному, обильныя слезы. Всѣ ваши нещастiя, милостивый

вый Государь, теперь уже окончились, сказали они мнѣ. Ступайте за нами, мы постараемся привести ихъ въ забвеніе. Они подлинно взяли меня съ собою, а Господина моего старались успокоить въ разсужденіи учиненныхъ мною съ нимъ распоряженій. Я просилъ сихъ Господъ, чтобъ они позволили мнѣ привести съ собою не только Сиди Селлема, но и его сына. Ихъ домъ сдѣлался какъ бы моимъ. Старанія, вниманія, дружество, все истощено было для меня безъ всякаго притворства. Они одѣли меня съ головы до ногъ своимъ собственнымъ платьемъ, а между тѣмъ заказали сдѣлать мнѣ новое по моему росту. Вскорѣ послѣ сего посѣтили меня всѣ находящіеся въ Могадорѣ Европейцы. Они поздравляли меня съ перемѣною моего состоянія и съ благопріятнымъ обстоятельствомъ, то есть, что я прибылъ туда при новомъ Консулѣ, привезшимъ Императору изъ Франціи весьма знатные подарки.

Въ тотъ же самой день представленъ я былъ къ тамошнему Губернатору,

тору, которой приказалЪ намЪ явиться вЪ МароккЪ. Султану донесено было о насЪ прежде. ОнЪ хотѣлЪ видѣть своими глазами всѣхЪ невольниковЪ, дабы произнести приговорЪ о ихЪ освобожденіи изЪ собственныхЪ своихЪ устЪ.

И такЪ отправились мы спустя восемь дней сЪ конвоемЪ, охранявшимЪ моего Господина, меня и хлѣбника. НасЪ снабдили мулами, палаткою, сЪѣстными запасами и людьми для нашего услуженія. Мы пріѣхали вЪ МароккЪ по четыредневномЪ путешествіи.

Первая, усмотрѣнная мною вещь, была высокая башня, воздвигнутая подлѣ одной Мечети. Я надѣялся увидѣть дворецЪ прежнихЪ Императоровъ и нѣкоторые остатки древности; но они весьма были похожи на жилища Короля Фецскаго и Мекенскаго. Стѣны, окружающія дворецЪ, сдѣланы изЪ глины и два угла оныхЪ почти со всѣмЪ обвалились. ИхЪ можно почесть за ограду стариннаго кладьбища. Смѣжные сЪ звѣринцемЪ домы, очень низки и построены на вкусЪ

Гу-

Гуаднумскихъ, но болѣе тѣхъ вымачканы и стоятъ на закрытомъ отъ воздуха мѣстѣ.

Оберегавшій насъ конвой, представилъ меня Консулу и Вице-Консулу, кои дали мнѣ свой столъ и квартиру до тѣхъ поръ, пока я не возвращусь во Францію. Съ часъ послѣ сего, пріѣхалъ за мною другой конвой объявляя, что Императоръ узнавъ о прибытіи моемъ въ столицу, приказалъ немедленно привести меня къ нему. И такъ отправясь съ симъ конвоемъ, въѣхалъ я въ обширной дворъ, гдѣ ничто иное видѣлъ, какъ весьма высокія стѣны, песокъ и жгущее солнце, которое бросаетъ на него лучи свои во весь день. На конецъ пропустили меня въ другой дворъ, гдѣ стоитъ гвардія Его Величества. Приближенные къ нему стражи, или тѣлохранители особы его, стоятъ съ ружьемъ. Платье ихъ состоитъ изъ цвѣтнаго кафтана и плаща подобнаго мантіи Картезіанскихъ Монаховъ, съ капишономъ. Вмѣсто головнаго убору носятъ они небольшую красную скуфью съ синимъ

нимъ хохолкомъ. Босыя ноги ихъ входятъ только половиною въ туфель, которой во время марша принуждены они волочить. Они носятъ ружейной чехолъ чрезъ плечо, а портупею во кругъ тѣла. Тѣ, кои не стояли на караулѣ, держали въ рукѣ бѣлую палку.

Конные одѣваются такимъ же образомъ; они носятъ мягкіе сапожки безъ подошвъ, большія шпоры, длиною отъ 9 до 10 дюймовъ, кои очень похожи на толстыя желѣзныя болты. Бока у лошадей ихъ ободраны до самаго мяса, всадники безпрестанно ихъ подстрекаютъ шпорами и въ семъ находятъ удовольствіе. Вотъ вѣрное изображеніе войскъ Его Величества, Короля Марокккскаго!

Ожидая съ нетерпѣливостію аудіенціи, смотрѣлъ я, какъ одинъ военачальникъ обучалъ свою дивизію. Онъ сидѣлъ на землѣ свѣсивъ къ груди подбородокъ, а руками облокотясь на свои колѣни. Онъ заставлялъ солдатъ выступать по два въ рядъ и отдавалъ имъ свои приказанія. Сіи повергшись къ его ногамъ,

оп-

отходили къ назначенному месту, или шли исправлять свои дѣла.

Пятеро или шестеро изъ нихъ, вооруженные палками, схватили меня за воротъ, какъ бы нѣкоего преступника. Они отворили большія выдвижныя ворота, подобныя тѣмъ, какія бываютъ у нашихъ житницъ, и толкнули меня очень шибко въ садъ или лучше звѣринецъ. Напрасно искалъ я тутъ статуй и монументовъ, возвѣщающихъ величество трона. Какъ проходилъ я мимо телѣжки объ одномъ колесѣ, (на которой у насъ въ Парижѣ возятъ по улицамъ песокъ), то заставили меня сдѣлать на право кругомъ, и толкнувъ очень сильно, приказали упасть на землю передъ сею телѣжкою, въ которой сидѣлъ Король, приподнявши на колѣно ногу. Онъ занимался обрѣзываніемъ своихъ ногтей; осматривая меня нѣсколько времени, спросилъ онъ, не изъ числа ли я тѣхъ Христіанскихъ невольниковъ, коихъ корабль нашелъ на мѣль за годъ передъ симъ при Марокккскихъ берегахъ и проч? „Ты „про-

„пропалъ отъ своей ошибки, сказалъ „онъ мнѣ; для чего не сберегъ сво„его имѣнія? Богатъ ли ты? продол„жалъ онъ, не женатъ ли?„ — Едва успѣлъ я отвѣчать на сіи вопросы, какъ приказалъ онъ подать себѣ бумаги и чернилъ, по томъ тоненькимъ сухимъ прутикомъ, служившимъ ему вмѣсто пера, начертилъ онъ главные четыре вѣтра, дабы мнѣ показать, что Парижъ лежитъ къ Сѣверу. Послѣ того написалъ цыфры отъ 1 до 12. „Разумѣешь ли ты „это, спросилъ онъ меня? „ Наконецъ задавалъ онъ мнѣ другіе подобные симъ вопросы, желая доказать, сколько онъ былъ ученъ и разуменъ. „Скажи мнѣ, продолжалъ сей Го„сударь, хорошо ли поступали съ „тобою горные жители или худо? (*) „Много ли они отняли у тебя ве„щей?„ Я торопился отвѣчать на всѣ сіи вопросы, увѣдомляя его, что чѣмъ болѣе приближался я къ столицѣ, тѣмъ въ нравахъ народныхъ

(*) Городскіе жители называютъ горныхъ бунтовщиками и степными мужиками.

находилЪ болѣе тихости. „Я обла-„даю, прервалЪ онЪ, не всею степ-„ною страною, которую ты про-„ходилЪ; мои повелѣнія не могутЪ „столь далеко простираться. — СЪ „кѣмЪ ты сюда пришелЪ? — СЪ Си-„ди СеллемомЪ изЪ поколѣнія Ларус-„сійскаго. — Я его знаю; — пусть „его сюда позовутЪ.„ И минуту спустя ГосподинЪ мой приведенЪ былЪ кЪ нему такимЪ же образомЪ, какЪ и я.

ИмператорЪ спросилЪ его, за сколько онЪ меня купилЪ, и какія были его намѣренія. Сиди СеллемЪ отвѣчая ему очень учтиво говорилЪ, что онЪ претерпѣвая всякія неудобства и опасности во время переѣзда чрезЪ обширныя страны, не имѣлЪ другаго намѣренія, какЪ только чтобЪ повергнуть себя кЪ ногамЪ своего Монарха и принести ему вЪ дарЪ своего невольника (*). „Не знаешь ли „ты, спросилЪ его Государь, еще „дру-

(*) БезЪ сомнѣнія, ежели бы Сиди СеллемЪ не хотѣлЪ воздать подданническаго почтенія Императору (ибо онЪ не являлся вЪ МароккЪ 50 лѣтЪ) и не былЪ вызванЪ вЪ городЪ

„другихъ невольниковъ у Аделимовъ „и Лабдессебовъ, кои всегда одни „захватываютъ ихъ въ свои руки? „Покровитель мой съ покорностію „ему отвѣчалъ: конечно, Государь, „у нихъ много невольниковъ, коихъ „я удобно могу собрать, ежели да„дите на то ваше соизволеніе.„ Императоръ не распространилъ далѣе сего разговора; онъ приказалъ смотрѣть за мною и за хлѣбникомъ одному изъ своихъ тѣлохранителей, и велѣлъ носить къ намъ кушанье съ Королевской кухни. Сей ченовникъ изъявлялъ мнѣ великое удивленіе, что Султанъ разговаривалъ столь долго съ невольникомъ.

На другой день Консулъ, приказавъ вызвать меня отъ тѣлохранителя, объявилъ, что ежели Король меня потребуетъ, то бы искали меня на его подворьѣ. И такъ я жилъ въ погребѣ, которой прежде служилъ

 квар-

частными выгодами, то я никогда бы не увидѣлъ моего отечества. Я столько былъ удаленъ во внутренность степей, что оттолѣ никогда бы не могъ выйти.

квартирою для Гишпанскаго Посланника. ИмператорЪ желая изЪявить такое же почтеніе и Французскому Резиденту, отдалЪ ему сей же самый домЪ.

Сіи наилучшія у Императора палаты, ничто иное суть, какЪ продолговатой погребЪ, построенный вЪ землѢ, вЪ которомЪ два ряда столбовЪ поддерживаютЪ своды. ВЪ него спускаются по небольшому скату; воздухЪ проходитЪ туда чрезЪ маленькія слуховыя окна, подѢланныя вЪ верху свода. ИмператорЪ содержитЪ вЪ сей пещерѢ свои палатки и воинскіе снаряды. ВпрочемЪ вЪ ней ничего болѢе не усматривается, кромѢ голыхЪ стѢнЪ, паутины, летучихЪ и обыкновенныхЪ мышей. Таковое жилье построено однакожЪ вЪ прекрасномЪ саду Его Величества, наполненномЪ оливковыми, гранатными, другими рѢдкими деревами и яблонями. Четыре высокія стѢны, окружающія сей садЪ, заставляютЪ прогуливающихся тамЪ воображать, что они государственные плѢнники. ИмператорЪ помѢщая тутЪ Посланни-

никовъ или Представителей иностранныхъ державъ, не ссужаетъ ихъ никакими домашними уборами. Онъ за нужное почитаетъ только раздавать имъ извѣстное количество говядины, баранины, дичины, хлѣба и воды.

Дворецъ Его Величества состоитъ изъ большихъ площадей или дворовъ, окруженныхъ стѣнами. Наружность Сераля похожа на хлѣбной анбаръ. Придворная Мечеть сдѣлана почти на таковой же вкусъ. Не знаю, хорошо ли внутри оныхъ, но наружность не представляетъ никакого пріятнаго вида. Городъ отдѣляется отъ дворца кучами грязи. Нечистота и кости битой скотины, наваленныя однѣ на другихъ, служатъ, такъ сказать, оградою столицѣ. Нѣкоторыя изъ сихъ гнусныхъ пирамидъ находятся во внутренности города. Онѣ стоятъ выше домовъ, и загораживаютъ у оныхъ весь свѣтъ. Солнце, ударяющее на сіи груды нечистоты, производитъ несносную вонь разнося смрадныя испаренія. Худо выстроенные домы походятъ

 на

на наши свиные клѣвы; воздухъ въ нихъ никогда не проникаетъ: улицы узки и частію покрыты соломенною крышкою.

Въ одинъ день Посланникъ новой Англіи, занимавшій квартиру въ самомъ городѣ, такъ же Французской Консулъ и я проѣжжаясь на лошадяхъ по городу, вздумали сойти на землю. Грубый, непросвѣщенной, или лучше не наблюдающій никакого благочинія народъ, бѣжалъ за нами опрометью и толкалъ насъ сзади, не взирая на то, что съ нами находился конвой провожатыхъ солдатъ. — Безъ сей предосторожности изрубили бы насъ можетъ быть въ куски. При всемъ томъ меня ударили въ голову камнемъ, но я не могъ примѣтить, откуда и кѣмъ былъ онъ брошенъ. Вотъ вѣрное описаніе города Марокка!

Нравы городскихъ жителей очень мало различествуютъ отъ свойства степныхъ Араповъ. Они нѣсколько по ласковѣе и почти всѣ бѣлы. Хотя видъ Европейцовъ, къ которому они болѣе другихъ привыкли, почти ни

мало

мало ихъ не удивляетъ, но они поступаютъ съ ними весьма нагло. Многіе Марокniкцы, приходившіе въ бытность мою къ Г. Консулу и Г. Дюпрату, садились безъ всякаго приглашенія, просили себѣ пить и ѣсть и даже требовали того, чтобы могло доставить имъ увеселеніе. Одинъ привратникъ, которой ничего болѣе не дѣлалъ, какъ только отворялъ по три раза Консулу вороты у Императорскаго дворца, пришелъ однажды къ нему просить съ страннымъ безстыдствомъ подарка. Ему дана была серебреная монета, которою однакожъ онъ не былъ доволенъ и продолжалъ протягивать руку, говоря *зитъ* (дай еще, этого мало), съ стольже смѣшною надменностію, сколь было странно его требованіе.

Секретари и Писцы поступаютъ такимъ же образомъ. Они налагаютъ подать на всѣхъ, имѣющихъ съ ними дѣло. Главные государственные чиновники еще алчнѣе къ подаркамъ, особливо къ большимъ піастрамъ, стоющимъ съ лишкомъ рубля. Государь всегда старается изъ нихъ

 вы-

выпытать, сколько имЪ пришло отЪ такого-то дѣла, или отЪ такой-то коммисіи. ОнЪ назначаетЪ имЪ знатныя должности, или отправляетЪ ихЪ вЪ посольство. И ежели его увѣрятЪ, что сіи чиновники довольно понажились и себя обогатили, то обвиняетЪ ихЪ вЪ неисправности, отнимаетЪ у нихЪ всѣ пожитки, и заставляетЪ оканчивать послѣдніе дни вЪ оковахЪ. Самые собственные дѣти его не изъяты отЪ сихЪ варварскихЪ дѣйствій. МулемЪ АдарамЪ, о которомЪ я упоминалЪ выше, не прежде началЪ жить вЪ степи между разбойниками, какЪ учинившись уже жертвою алчности своего отца. Хотя я не знаю, показывалЪ ли когда нибудь сей молодой ПринцЪ добрыя качества, но вЪ степяхЪ извѣстенЪ онЪ всѣмЪ подЪ именемЪ начальника варваровЪ, и по возшествіи своемЪ на престолЪ не премѣнно сдѣлается жестокимЪ тиранномЪ. Правда, что наслѣдникомЪ короны назначенЪ братЪ его МулемЪ Ази (*), но

(*) Это было писано прежде моего возвращенія изЪ Сенегала. Но послѣ, какЪ можно при-

но и сей послѣдній ничемъ не лучше перваго.

Здѣсь да будетъ мнѣ позволено замѣтить, сколь странно и удивительно то, что Марокиской Императоръ, будучи нимало не страшный Государь, требуетъ отъ Европейскихъ державъ Посланниковъ, и при всемъ томъ ихъ обманываетъ. Нѣтъ ни одного Монарха, которой бы осмѣлился отправить къ нему своихъ Представителей, не осыпавъ его знатными подарками; да и какой бы Посланникъ отважился къ нему предстать съ голыми руками? Когда Повѣренный въ дѣлахъ Французскаго двора Г. Шеніе вручилъ депеши сему Императору безъ подарковъ, то онъ находя себя оскорбленнымъ, приказалъ завернуть бумаги въ замаранной платокъ и повѣсить на шею Консулу, которой такимъ образомъ подверженъ былъ публично насмѣшкамъ и наглости сей жесточайшей націи. Для чего Консулы согласясь

 вмѣ-

мѣтить изъ моего описанія, сынъ объявилъ отцу своему войну.

вмѣстѣ не возымѣютъ усердія и смѣлости представить своимъ Государямъ, что Короли Марокккской, Микинецкой или Фецкой дѣлаются отъ часу страшнѣе чрезъ доставляемые имъ способы отъ сихъ же самыхъ Европейскихъ Монарховъ? За двадцать лѣтъ предъ симъ Марокккской Король былъ всѣми оставленъ. У него не было ни плавки, ни литья пушекъ. Онъ не имѣлъ строеваго лѣсу, холста, веревокъ, гвоздей, болтовъ, ни работниковъ. Но Франція и другія приморскія державы снабжаютъ его всѣми сими вещами, а иначе Марокккской Императоръ ничего бы у себя не имѣлъ. Великолѣпныя его батареи о 24, и 36 и 48 бронзовыхъ пушкахъ, учреждены и доставлены ему Голландіею, Гишпаніею, Англіею и Франціею. Особливо Англія превзошла всѣ прочія націи, продавая ему прекрасныя пушки, взятыя съ плывучихъ батарей.

Ближайшая къ Марокку Могадорская биржа, отстроена очень хорошо; батареи на ней расположены выгодно. При каждомъ отверзтіи по-

поставлена пушка, но устье сихъ огнестрѣльныхъ орудій наклонено на самое отверзтіе или амбразуру. Вмѣсто лафета подкладываются подъ нихъ камни, такъ что сіи пушки выставляются только на показъ. Дабы утвердить ихъ на лафетахъ, для сего потребны искусные работники и годныя деревья; но ни того ни другаго Императоръ у себя не имѣетъ. Теперь ожидаютъ спуску не большихъ его фрегатовъ, кои кажется, ни къ чему доброму служить не могутъ, (выключая двухъ исправленныхъ Вице-Консуломъ Мюромъ по собственному его требованію). Почему ежели Европейскіе Государи воспрепятствуютъ отпускать къ сему Султану свои суда, то гавани его Могадорская, Рабатская и Салепская будутъ навсегда заперты. Торговля его, особливо морская сила, будетъ ли имѣть хотя малѣйшій въ чемъ нибудь успѣхъ, когда Христіанскія державы отрекутся помогать ему противъ всѣхъ выгодъ человѣчества? Прекрасная его Тангерская гавань, при благоразумной по-

политикѣ со стороны Англіи и Гишпаніи, пришла бы въ такой упадокъ, что не представляла бы болѣе убѣжища морскимъ его разбойникамъ, кои за неимѣніемъ годныхъ судовъ немедленно бы принуждены были отказаться отъ своихъ грабительствъ.

Консулы различныхъ націй никогда не дѣлаютъ сихъ наблюденій и не показываютъ никакихъ средствъ къ приведенію въ безсиліе Марокскаго Императора потому, что они сами завладѣли торговлею, производимою разными народами въ сей части міра. Гишпанскій Консулъ перекупаетъ почти весь тамошній хлѣбъ; корабли отправляются по первому его сигналу. Одинъ только Французскій Консулъ не вступаетъ въ торги. Я увѣряю за весьма подлинное, что сіи Представители не только не открываютъ дворамъ своимъ средствъ, служащихъ къ уменьшенію силы Императора, но еще стараются о приращеніи его власти, могущества, и подаютъ ему поводъ къ новымъ претензіямъ. Сколь много доставляемъ мы симъ немилосердымъ разбой-

бойникамъ способовъ вредить выгодной торговлѣ! Ихъ положенie дѣлаетъ ихъ весьма опасными, но естьли навсегда оставить ихъ въ одномъ положенiи, то они никогда оное не поправятъ. Пусть безпристрастные люди осмотрятъ сiи страны для засвидѣтельствованiя моихъ истиннъ, пусть опишутъ они все съ такою же искренностiю, какъ и я; не признаютъ ли они, что Императоръ Марокской безъ постороннихъ пособiй, есть одинъ изъ всѣхъ владѣтелей мiра такой Государь, которой не въ состоянiи самъ собою причинить ни малѣйшаго вреда? —

Наконецъ наступила желанная минута, въ которую надлежало разорваться моимъ узамъ. Въ одинъ день Король выходя изъ Мечети, приказалъ повѣстить нашему Консулу, чтобы онъ прiѣжжалъ съ невольниками къ тому двору, гдѣ онъ даетъ свою публичную аудiенцiю.„ Консулъ, „сказалъ онъ Г. Дюрошеру, я надѣюсь, „что ты не будешь уподобляться „твоему предшественнику, коего на„дменность была мнѣ чрезвычайно про-

„противна. Посмотри на сего человѣка, (указывая на Вице-Консула), „онъ молодъ, тихъ, ласковъ и всегда старается мнѣ нравиться. Ты „долженъ ему подражать; я тебѣ „приказываю. Ты обязанъ отписать „къ твоему Государю, что я доволенъ его услугами. Прощай, ты „можешь итти домой съ сими невольниками, которыхъ я тебѣ жалую (*). Выбирай любую изъ моихъ „гаваней для посаженія ихъ на суда „и для отправленія въ ихъ отечество. Прощай, я прикажу при„дворнымъ моимъ чиновкикамъ проводить тебя до Консульскаго дому.„

Императоръ обыкновенно на таковой аудіенціи заставляетъ доносить себѣ о всѣхъ дѣлахъ, касающихся до управы благочинія. Онъ часто показывается сидящимъ на прекрасной лошади, покрытой алымъ и синимъ сукномъ, по краямъ коего ви-

(*) Насъ было числомъ семеро; то есть я, хлѣбникъ и пятеро другихъ невольниковъ, принадлежавшихъ кораблю Діозами, кои не задолго до насъ претерпѣли кораблекрушеніе.

висятъ золотыя кисти. По сторону Государя идетъ Шталмейстеръ, несущій въ рукѣ долгой шестъ съ широкимъ подсолнечникомъ, для предохраненія Его Величества отъ солнечнаго зноя. Гвардія слѣдуетъ за нимъ пѣшкомъ въ величайшемъ молчаніи. Все возвѣщаетъ страхъ и ужасъ. Взоръ Государя производитъ всюду уныніе. При малѣйшемъ его мановеніи видитъ онъ безъ всякаго смущенія летящую отъ меча голову одного или многихъ его подданныхъ. Осужденникъ лишается жизни прежде, нежели будутъ произнесены послѣднія слова его приговора. Но богачь, сколь бы велико ни было его преступленіе, желающій купить его милость, никогда отъ меча не умираетъ.

Чтожъ надлежитъ заключить о такомъ Государѣ, которой по внушенному ему послѣ донесенію, что я былъ отличнѣйшій отъ прочихъ Христіанъ, то есть лучше одѣтъ, да и Консулъ оказывалъ мнѣ почтеніе, забываетъ всѣ свои обѣщанія и посылаетъ въ Могадоръ приказанія,

дабы

дабы меня задержать и привести опять въ Мароккъ? По щастію въ то время, когда прибѣжалъ туда куріеръ для объявленія Губернатору воли своего Государя, благопріятные вѣтры отнесли меня отъ береговъ очень далеко.

И такъ я могу сказать, что нещастіе преслѣдовало меня до самой послѣдней минуты. Я бы не сдержалъ тяжести онаго, такъ какъ и мои злополучные товарищи, есть ли бы не имѣлъ непоколебимаго постоянства и неограниченнаго упованія на Божеское Провидѣніе. Здѣсь за нужное почитаю я припомнить, что Сиди Селлемъ передъ отъѣздомъ моимъ поѣхалъ обратно въ степи, будучи вознагражденъ Консуломъ весьма щедро.

Не желая прервать моего повѣствованія, почелъ я за нужное присовокупить къ оному различныя мои наблюденія о религіи, о нравахъ и обыкновеніяхъ не довольно еще извѣстнаго народа, кои для сей причины могутъ быть очень занимательны и интересны. Нещастный

опытъ

опытъ принудилъ также меня описать оныя, и я увѣряю моего Читателя, что столько же буду точенъ въ изображенiи народнаго характера, сколько былъ таковымъ въ повѣствованiи собственныхъ моихъ приключенiй.

Степные Арапы послѣдуютъ Магомедову исповѣданiю, но обезобразили вѣру сiю грубѣйшими суевѣрiями. Они всегда скитаются и бродятъ посреди знойныхъ Африканскихъ степей. Есть нѣкоторыя племена, безпрестанно шатающiяся по морскому берегу и не основывающiя жилища своего ни на какомъ мѣстѣ. Онѣ раздѣляются на поколѣнiя болѣе или менѣе многолюдныя. Всякое поколѣнiе раздѣляется на орды, и каждая орда располагается станомъ въ такихъ округахъ, гдѣ бы удобнѣе можно было сыскать пажитей для прокормленiя скота такъ, что цѣлое поколѣнiе никогда вмѣстѣ не соединяется. Всѣ почти Арапы перемѣшаны съ переселенцами Уаделимовъ, Лабдессебовъ, Ларуссiйцовъ, Латидиримовъ, Хелусовъ, Туканайцовъ,

цовѣ, Уаделисовѣ и проч. Первыя два поколѣнія суть самыя страшныя, и распространяютѣ грабительства свои даже до Марокскихѣ воротѣ. Самѣ Императорѣ ихѣ боится и притомѣ не безѣ основательной причины. Ибо онѣ состоятѣ изѣ большихѣ, стройныхѣ, сильныхѣ и здоровыхѣ людей, кои вообще имѣютѣ кудрявые волосы, долгую бороду, бѣшеной взорѣ, долгія повислыя уши и ногти столь же долгія, какѣ звѣриные когти. Они всегда сражаются ногтями на частыхѣ сѣ своими сосѣдями битвахѣ. Уаделимы паче всѣхѣ надменны, горды, искусны вѣ битвахѣ, склонны кѣ грабительству и носятѣ сѣ собою всюду страхѣ и ужасѣ. Впрочемѣ они лишаются храбрости, равно какѣ и всѣ Арапы всякой разѣ, когда они не одерживаютѣ отличнаго надѣ другими преимущества.

Всѣ сіи племена стоятѣ семействами вѣ раскинутыхѣ палаткахѣ, на которыя употребляется толстая матерія изѣ верблюжьей шерсти. Сію шерсть прядутѣ женщины,

ткутѣ

ткутъ основу на весьма малыхъ станахъ и всегда исправляютъ работу сидя на землѣ. Домашній уборъ въ ихъ жилищахъ состоитъ изъ долгихъ двухъ кожаныхъ мѣшковъ, въ которые кладутъ дурныя отрепья, также старые обломки желѣза, изъ трехъ или четырехъ козьихъ мѣховъ (ежели могутъ оные себѣ достать), въ которыхъ хранятъ молоко и воду, изъ многихъ деревянныхъ чашъ, изъ нѣсколькихъ седлъ для верблюдовъ, изъ двухъ большихъ камней для молотья ячменя, и еще изъ одного не столь великаго камня для вбиванія въ палаткѣ кольевъ, изъ ивовой цыновки, служащей вмѣсто постели, изъ толстаго ковра, которымъ одѣваются, и наконецъ изъ небольшаго котла. Таковы суть домашніе приборы, различающіе богатаго съ бѣднымъ.

Стада ихъ, составляющія все ихъ богатство, состоятъ въ двухъ или трехъ лошадяхъ, многихъ верблюдахъ, въ нѣсколькихъ овцахъ и козахъ. Незажиточные держатъ у себя однихъ только козъ и овецъ.

Первая изъ всѣхъ ихъ должностей, которую наблюдаютъ они очень строго, есть молитва́, и притомъ многократная: первая всегда начинается предъ восхожденіемъ солнечнымъ. Тальба, примѣтный по долгой своей бородѣ и распускающій вокругъ своего тѣла шерстяную бѣлую или алую матерію, подъ которою показывается изсохшая отъ поста его личина (яко слѣдствіе чрезвычайной его лѣности), возвышаетъ съ предлинными чопиками печальной и заунывной голосъ, которой можно бы было почесть знакомъ благочестиваго и сокрушеннаго человѣка, ежели бы оный голосъ не былъ произносимъ отъ лицемѣра. Будучи препоясанъ мечемъ, ищетъ такого мѣста, гдѣ бы вѣроломная его рука могла съ большею надежностію причинить ударъ и пронзить сердце своего сосѣда, своего друга и часто своего брата. Онъ извѣщаетъ своимъ звукомъ живущихъ въ стану людей, дабы они сходились подъ его знамя для услышанія похвалъ Пророка. Арапы стекаются къ нему съ свя-

священнымъ нѣкіимъ благоговѣніемъ; но предъ начатіемъ молитвы, сбрасываютъ они съ себя коротенькую юпку или попону, которую носятъ привязавъ къ поясу и обертываются сукномъ, служащимъ имъ вмѣсто платья. По томъ Тальба нагибается къ землѣ и не замаранною рукою третъ пескомъ (занедостаткомъ воды), лице, локти и кисти, дабы очистить себя отъ всѣхъ скверн, а народъ подражаетъ всѣмъ его дѣйствіямъ.

По окончаніи молитвы, садятся они на песокъ поджавъ подъ себя ноги, чертятъ пальцами различныя на пескѣ фигуры и водятъ ими во кругъ своей головы, такъ какъ бы помазывались они святымъ миромъ. Сіи дикіе во время своей службы показываютъ такое же наружное благочестіе и набожность, какую мы изъявляемъ въ нашихъ церквахъ. Но я думаю, что никто не сталъбы столько издѣваться надъ своею религіею, какъ насмѣхаются они надъ Магомедовою по окончаніи молитвы. Женщины, присутствуя только при утренней и вечер-

черней молитвѣ, отправляемой въ десять часовъ вечера, становятся при входѣ своихъ палатокъ и обращаются лицемъ къ солнечному восходу.

Послѣ сихъ благочестивыхъ упражненій отходятъ доить стада. Сперва начинаютъ съ верблюжьихъ самокъ, и чтобъ онѣ скорѣе вставали съ земли, то даютъ имъ въ бока по нѣскольку сильныхъ ударовъ. Какъ скоро станутъ онѣ на ноги, то снимаютъ съ нихъ нагрудникъ, здѣланный изъ веревочныхъ плетенокъ, который закрываетъ ихъ сосцы. Тотчасъ подпускаютъ къ самкамъ малыхъ верблюжятъ, кои ласкаются къ нимъ и пріуготовляютъ ихъ давать молоко въ великомъ изобиліи. Хозяинъ и сторожъ выжидаютъ той минуты, когда ротъ верблюжонка покроется бѣлою пѣною. Тотчасъ отлучаютъ они его отъ самки, прижимаются оба головою къ ея брюху, и въ сіе самое время давятъ ея вымя, изъ котораго выгоняютъ по крайней мѣрѣ до пяти пинтъ молока, ежели только дожди изобильно оросили землю.

Сто-

Сторожъ или пастухъ, отвѣдавъ по глотку отъ каждаго удоя, выливаетъ молоко въ деревянный ставецъ, поставляемый подлѣ хозяйки. По собраніи всѣхъ удоевъ, хозяйка откладываетъ свой участокъ въ сторону, по томъ подаетъ молока мужу и своимъ дѣтямъ, а остальное выливаетъ въ козій мѣхъ, которой выставляетъ на солнце. Спустя три или четыре часа, молодыя дѣвки пригоняютъ съ полей овецъ и козъ. Хозяйка, присутствуя всегда сама при семъ послѣднемъ доеніи, мѣшаетъ сіе молоко съ верблюжьимъ; и когда солнечныя лучи довольно его согрѣютъ, то надувая козлиную кожу, мѣшаютъ въ ней молоко, снимаютъ сметану и дѣлаютъ изъ нее масло. Остатки употребляются для дневнаго питья. Збитое масло заключаютъ въ небольшія кожи, гдѣ получаетъ оно крѣпкой запахъ, которому сіи варвары приписываютъ болѣе цѣны и уваженія. Женщины намазываютъ масломъ свои волосы, а безъ сего, такъ сказать, свѣтящагося лака, почли бы онѣ уборной

 свой

свой столикъ весьма недостаточнымъ. Не льзя почти повѣрить, сколь далеко простираютъ онѣ свое кокетство или стараніе нравиться. Волосы ихъ переплетаются съ величайшимъ искуствомъ. Онѣ распускаютъ по своей груди тоненькія косички и привѣшиваютъ къ нимъ все, что только могутъ достать. Я видалъ многихъ Арапокъ, у коихъ сіи плетенки разукрашены были морскими раковинами, ключами отъ сундуковъ и висячихъ замковъ, большими кольцами и штанными пуговицами, отнятыми у нашихъ корабельныхъ служителей. Когда головной ихъ уборъ пріуготовленъ такимъ образомъ, то покрываютъ онѣ его весьма засаленною тряпицею, которая обвертываясь вкругъ головы, занавѣшиваетъ половину носа, и подвязывается внизу подбородка. — Для приданія красоты глазамъ своимъ, разчесываютъ онѣ рѣсницы большою мѣдною булавкою, которую трутъ на синемъ камнѣ. Послѣ сего наряжаются въ сукно: все искуство въ разсужденіи сего послѣдняго наряда состо-

споитъ въ томъ, чтобы сложить сукно борами и не испортить складокъ, хотя для сего не употребляютъ онѣ ни булавокъ, ни лентъ, ни шва. Для дополненія наряду подкрашиваютъ онѣ себѣ на рукахъ и на ногахъ ногти. Арапка, желающая считаться прекрасною, должна имѣть долгія и выходящія изо рта зубы, то есть клыки, мясо отъ плечь до локтей отвислое, ноги, лядвеи и тѣло чрезвычайно толстыя, походку тяжелую и принужденную, браслеты на рукахъ и на ногахъ подобные ошейнику Датскихъ собакъ. Однимъ словомъ, отъ самаго ребячества пріучаютъ онѣ изгаживать данный имъ природою видъ, а на мѣсто онаго представляютъ смѣшную и безобразную фигуру. Ежели судя по неудобствамъ, которымъ подвергаются сіи женщины, взять еще въ разсужденіе то, что онѣ родятъ подъ тѣмъ же самымъ, марающимся отъ дѣтской нечистоты сукномъ, которое носятъ, и коимъ часто утираются, то не льзя не возымѣть крайняго омерзѣнія къ неопрятности и вони Арапокъ.

Повѣритъ ли кто, чтобъ сіи гнусныя женщины были ревнивы и злорѣчивы? Однакожъ это сущая правда. Та, которая имѣетъ въ чемъ нибудь нужду, идетъ къ своей сосѣдкѣ. Ежели мужъ подруги ея находится дома, то накрываетъ она лице и показывается при входѣ въ палатку съ робкимъ видомъ. Ежели же сосѣдка сидитъ одна, то начинаютъ злословить и цыганить всѣхъ знакомицъ, у коихъ болѣе наряду. Какъ разговоръ нѣсколько продолжится, то пристаетъ къ нимъ третья сосѣдка, которая прибавитъ еще свое словцо, такъ что половина дни проходитъ у нихъ въ одномъ злословіи, и часто разстаются одна съ другою позабывъ о томъ, чего надлежало попросить въ займы. Лѣность и прожорство суть такъ же любимые ихъ пороки. Онѣ подвергаются безчисленнымъ насмѣшкамъ и ругательствамъ для того только, чтобы выманить нѣсколько верблюжины или козлятины, когда свѣдаютъ, что въ какой нибудь палаткѣ жарено мясо. Печень есть милое ихъ кушанье.

Мущины имѣютъ за собою тѣже самые пороки. Они просыпаютъ по цѣлому дню растянувшись на цыновкѣ, курятъ трубку или сбрасываютъ съ себя червей и всякихъ насѣкомыхъ жестоко ихъ кусающихъ, какъ то мухъ, комаровъ и проч. Впрочемъ не должно удивляться, что блохи и черви заражаютъ всю сію страну. Не взирая на всѣ мои предосторожности, борода моя всегда была ими наполнена, и я могу сказать, что это не есть одно изъ меньшихъ золъ, претерпѣнныхъ мною во время порабощенія.

Мущины собираются также иногда днемъ для собесѣдованія о воинскихъ своихъ подвигахъ. Всякой именуетъ число побѣжденныхъ имъ непріятелей. Часто изобличенной во лжи приводитъ весьма смѣшныя доказательства: тотчасъ зачинается ссора, и разговоръ кончится нѣкоторыми шпажными ударами. Они никогда не могутъ выслушать самаго безпристрастнаго вопроса безъ того, что бы глаза ихъ не сверкали отъ ярости. Бѣшенство изображается

въ малѣйшемъ ихъ тѣлодвиженіи, и они всегда исправляютъ домашнія дѣла свои съ великимъ крикомъ и шумомъ.

Вѣроломство и измѣна суть такъ же природные пороки Араповъ. Чего ради они никогда не выходятъ изъ палатокъ своихъ безъ ружья или дубины, никогда не договариваются на письмѣ, будучи твердо увѣрены, что получившій обязательство будетъ заколотъ кинжаломъ отъ подписавшаго оное. Для сего самаго носятъ они всегда на шеѣ небольшой кожаной кошелекъ, въ которой кладутъ всѣ свой драгоцѣнности. Хотя во всѣхъ палаткахъ ничего не запирается ключемъ, однакожъ я видалъ нѣкоторыхъ Араповъ, имѣвшихъ у себя не большіе сундучки, кои, не смотря на полагаемую въ нихъ всякую дрянь и лоскутья, бываютъ предмѣтомъ жадности цѣлой орды. Я не могу изключить изъ числа сегó, ни брата, ни сына того отца, которой владѣетъ какою нiесть собственностію. Братъ Господина моего былъ изъ всѣхъ Араповъ самой за-

завидливой человѣкъ, и безпрестанно навастривалъ зубы на подаренныя мною Магаммету вещи. Однажды предложилъ онъ мнѣ, какъ бы самое маловажное дѣло, умертвить моего хозяина во время ночи. Онъ вручая мнѣ свой кинжалъ, обѣщался, по учиненіи мною сего преступленія, проводить меня въ Мароккъ. Сколько ни былъ я тревожимъ моимъ жребіемъ, но сіе предложеніе меня возмутило; я содрагался отъ ужаснаго сего умысла. Между тѣмъ спустя нѣсколько дней, сіе злоумышленіе возобновлено было однимъ дядею Сиди Магаммета, который изъ всѣхъ его родственниковъ казался наиболѣе къ нему привязаннымъ. Не однократно видалъ я сего человѣка, вкрадывающагося по ночамъ тайно въ палатку моего Господина, дабы унести у него какой нибудь кусокъ желѣза или конецъ ремня, да и сей толь подозрительной человѣкъ былъ уважаемъ во всемъ стану. Его брали въ совѣтъ для рѣшенія различныхъ споровъ, и бѣдные почитали судъ его священнымъ закономъ, богатыежъ не признаютъ надъ собою никакого права.

Мо-

Молодыхъ людей пріучаютъ заблаговременно искусно вертѣть кинжаломъ, раздирать ногтями внутренность своего противника и разцвѣчивать ложь различными красками истинны. Тѣ, кои соединяютъ съ сими способностями искуство читать и писать, дѣлаются самыми опаснѣйшими чудовищами, потому наипаче, что они берутъ надъ прочими великое преимущество. Можно сказать, что Арапы стараются познакомить дѣтей своихъ съ порокомъ съ самаго ихъ младенчества, и понуждаютъ ихъ къ учиненію онаго съ такимъ же удовольствіемъ, которое ощущается отъ добрыхъ дѣлъ.

По обыкновенію земли всякой иностранной Арапъ, изъ какого бы мѣста и поколѣнія онъ ни былъ, знакомой или незнакомой, долженъ быть угощаемъ гостепріимно. Ежели сойдутся многіе путешественники, то всякой житель обязывается давать на издержки отъ своего имущества. Всѣ незнатные люди идутъ къ нему, поздравляютъ его съ пріѣз-

ѣздомъ, пособляютъ ему разседлывать лошадь или верблюда, и относятъ поклажу за кусты, кои могутъ предохранить его отъ ночнаго холода (ибо у нихъ уставлено обычаемъ, чтобы иностранца никогда не пускать въ свою палатку). По окончаніи сего обряда, садятся всѣ вокругъ новопріѣзжаго, спрашиваютъ у него извѣстій о той землѣ, изъ которой онъ прибылъ, вывѣдываютъ, не переселилась ли такая-то орда на другія пажити, не попадались ли ему другія поколѣнія въ такихъ-то удаленныхъ округахъ, не видалъ ли онъ наконецъ на дорогѣ тучныхъ паствъ и проч. Какъ скоро чужестранецъ отвѣчалъ на всѣ сіи вопросы, то спрашиваютъ его, къ какому принадлежитъ онъ поколѣнію. Ибо они не прежде освѣдомляются о состояніи его здоровья, какъ по истощеніи всѣхъ прочихъ вопросовъ.

Ежели чужестранецъ не находитъ ни одного знакомаго человѣка въ посѣщаемой имъ ордѣ, то богатѣйшій прочихъ Арапъ обязанъ исполнить

гостепріимство. Ежели странствующихъ очень много, то иждивеніе, такъ какъ я упоминалъ выше, употребляется общее. Каждому изъ нихъ даютъ по большому стакану молока и ячменной муки, взболтанной въ вареномъ молокѣ, или въ водѣ, когда изобилуютъ сею послѣднею. Ежели посѣщающій умѣетъ читать, то въ знакъ чести поручаютъ ему отправлять молитвы. Въ такомъ случаѣ приходской Тальба становится подлѣ него, какъ главный обрядоначальникъ, и симъ оканчивается въ разсужденіи незнакомаго чужестранца все странноприятіе. Но естьли онъ имѣетъ въ ордѣ друзей, ежели богатство его довольно извѣстно: то для угощенія его усердно поспѣшаютъ убить жирнаго барана. Жена пріуготовляетъ пирушку; прежде, нежели сварится мясо, обрѣзываетъ она жиръ, и подаетъ его на столъ сырой. По свареніи мяса начинаетъ она откладывать въ сторону часть для своего мужа; потомъ назначаетъ хорошій кусокъ для своихъ сосѣдокъ, съ которыми живетъ

въ

вЪ добромЪ согласіи. НарушеніемЪ же сея должности причинила бы она себѣ незагладимое пятно. НаконецЪ рачительно раскладываетЪ она на соломенной рѣшеткѣ часть для путешественника. Угощающій АрапЪ приказываетЪ стоять за собою Христіанскому невольнику или Негру, которой носитЪ гостю кушанье на головѣ. ВпрочемЪ столЪ обыкновенно накрывается вЪ десять часовЪ ввечеру, хотя бы путешественникЪ пріѣхалЪ поутру очень рано. У нихЪ вошло вЪ обыкновеніе, чтобы угощать всегда ночью при лунномЪ сіяніи, или при освѣщеніи большаго огня, которой разводятЪ во всякое годовое время. ПутешественникЪ сажаетЪ усильно сЪ собою хозяина и проситЪ его сдѣлать честь вмѣстѣ сЪ нимЪ откушать; но сей отговаривается всѣми манерами, и отреканіе его основывается на почтеніи кЪ гостю.

На другой день по утру путешественники вступаютЪ вЪ свою дорогу, ни сЪ кѣмЪ не простившись. Сей образЪ угощенія АраповЪ былЪ

бы конечно достоинъ похвалы: но сколь ко многимъ прибѣгаютъ они хитростямъ, что бы отъ онаго избавиться? Когда показывается незнакомой путешественникъ, то при нѣкоторомъ разстояніи отъ своей палатки кладутъ они верблюжье седло, цыновку, ружье и всякую збрую въ знакъ того, что тутъ остановился уже ночевать одинъ путешественникъ: но часто таковыя предосторожности не возбраняютъ иностранцу расположиться ночлегомъ при сихъ же самыхъ дорожныхъ снарядахъ. Начальникъ мѣста приходитъ къ нему объявить, что сіи снаряды принадлежатъ какому нибудь Арапу сосѣдняго стану; но какъ сей способъ равномѣрно имъ всѣмъ извѣстенъ, то посѣтитель ни мало не унывая и ни на что не взирая останавливается. Случается иногда, что ему мстятъ за сію докучливость, подавая ему очень малую порцію молока. Тогда озирается онъ на всѣ стороны и ежели гдѣ увидитъ огонь, то бѣжитъ туда съ поспѣшностію, въ надеждѣ найти

тамъ

тамъ мясо или похлебку. Сперва онъ съ великимъ стараніемъ прячется позади палатки и подсматриваетъ, что въ ней происходитъ, т. е. не ужинаютъ ли хозяева; ибо и сіи последніе также рта не разеваютъ, но для предупрежденія визита тотчасъ отдвигаютъ прочь три камня, поддерживающіе котелъ. Впрочемъ при семъ случаѣ поступокъ посѣтителя бываетъ не безуспѣшенъ потому, что не пригласить его и не дать ему участія въ ужинѣ, было бы очень противно странно пріимству. Часто случается, что между тѣмъ временемъ, какъ прожорство понуждаетъ его бѣгать туда и сюда, похищаютъ всѣ его вещи, расположенныя позади куста, но сія кража есть существенный заемъ, ибо посѣтитель при первомъ случаѣ самъ не хуже сего отплатитъ.

Трудно представить себѣ идею о гордости и невѣжествѣ сихъ народовъ. Они не только почитаютъ себя первымъ народомъ въ мірѣ, но еще имѣютъ то глупое тщеславіе, будто бы солнце восходитъ и свѣтитъ

единственно для нихъ. Многіе Арапы не однократно мнѣ говорили: „ Посмотри на сіе свѣтило, которое со„всѣмъ неизвѣстно въ вашей землѣ. „Во время ночи освѣщаетъ ли землякoвъ твоихъ луна, располагающая „наши дни и посты? дѣти ея, на„сѣляющіе сводъ небесный (*), пока„зываютъ намъ часы нашихъ мо„литвъ. У васъ нѣтъ ни деревъ, ни „верблюдовъ, ни песку, ни козъ, ни „собакъ. Ваши женщины столь коль „пригожи, какъ наши? Долго ли ты „находился въ утробѣ твоей матери? „спросилъ меня одинъ изъ нихъ. „Столько же, отвѣчалъ я ему, сколь„ко и ты былъ въ нѣдрахъ твоей. „Въ самомъ дѣлѣ, прервалъ рѣчь его „другой, пересчитывая у меня на „рукахъ и на ногахъ пальцы, онъ „сотворенъ такъ же какъ и мы, а „различествуетъ только цвѣтомъ и „языкомъ: это меня удивляетъ: „сѣете ли вы ячмень въ вашихъ до„махъ (**)? Нѣтъ, говорилъ я ему, мы „засѣ-

(*) Звѣзды называютъ они чадами луны.

(**) Такъ называютъ они наши корабли.

„засѣваемъ земли почти въ тоже „самое время, въ которое удобряете „вы свои. Какъ! вскричали многіе „изъ нихъ, не уже ли вы обитаете „на землѣ? мы думали, что вы ро„дитесь и всегда живете на морѣ.„ Вотъ какіе предлагали они мнѣ вопросы между своими разговорами!

Война у нихъ ничто иное есть, какъ чистой разбой, на которой отваживаются они единственно для того, чтобы ограбивъ чужія стада и опустошивъ поля до собиранія жатвъ, предаться послѣ нѣгѣ и праздности. Въ одинъ день, какъ долины покрыты были скотомъ всего стана, пастухъ прибѣжалъ запыхавшись къ хозяевамъ, возвѣстилъ имъ, что полчища Уаделимовъ появились на вершинѣ холмовъ и повидимому пришли туда съ тѣмъ намѣреніемъ, что бы угнать стада. Тотчасъ раздается звукъ нѣкотораго барабана (*), бѣгутъ всѣ къ ружью и выступа-

 па-

(*) Сей большой барабанъ хранится у одного изъ именитыхъ и почтенныхъ жителей. Его употребляютъ въ разныхъ случаяхъ, иногда

паютъ на непріятеля. Сѣдши на лошадей, теряютя они въ вихрѣ праха и пыли. Верблюдъ съ продолговатыми своими шагами, бываетъ на сраженіи весьма проворенъ. Будучи побуждаемъ крикомъ своего всадника, бросается онъ въ толпу и угрызеніе его причиняетъ столько же кровопролитія, какъ и ружейная стрѣльба. Арапы никогда не нападаютъ въ воинскомъ порядкѣ. Сколько людей, столько и частныхъ сшибокъ. Тотъ, которой поразилъ своего непріятеля, и отнялъ у него оружіе или лошадь, стремглавъ удаляется съ плодомъ своея побѣды. Другіе почитая себя весьма сильными, схватываются другъ съ другомъ, наносятъ кинжаломъ многіе удары, или раздираютъ внутренность длинными своими ногтями. Владѣющій знатнымъ количествомъ скота, видитъ себя въ одинъ день доведеннымъ до крайней бѣдности и ограбленнымъ отъ того, ко-

для собиранія къ ружью, иногда для возвѣщенія, что такой то Арапъ заблудился въ степи, или что пропали верблюды.

которой наканунѣ не имѣлъ никакой собственности. — И какъ слабыя поколѣнія бываютъ очень часто подвержены опасностямъ, то они стараются жить всегда въ удаленіи, особливо отъ Уаделимовъ и Лабдессебовъ. Не задолго предъ моимъ отбытіемъ изъ знойныхъ степей, сіи орды начавъ разбои свои отъ Аргуема, называемаго ими Агадиромъ, распространили оные даже до Марокскихъ воротъ.

Арапы вообще собираютъ съ полей одинъ ячмень, а пшеницу очень рѣдко, то есть въ такое время, когда прольютъ изобильные дожди. Но какъ въ бытность мою по трехлѣтней засухѣ на поляхъ ихъ ничего не родилось, то вознамѣрились они перенести воинскій ужасъ въ благополучнѣйшія страны, гдѣ похищали у своихъ братьевъ плоды ихъ трудовъ и раченія. Такимъ образомъ обильныя жатвы переходятъ въ руки свирѣпыхъ людей, желающихъ лучше подвергнуть жизнь свою воинской опасности, нежели трудиться для своего пропитанія.

По окончаніи сраженія каждая сторона старается вырыть могилы. Тольбы, приглашаемые на мѣста обагренныя кровію ихъ братіи, пріѣжжаютъ туда для отправленія надгробнаго пѣнія. Оно состоитъ въ произношеніи нѣкоторыхъ жалостныхъ словъ надъ собраннымъ въ раковину пескомъ, въ разсыпаніи сего песка надъ нещастными людьми, пріуготовляющимися къ смерти, въ прикладываніи ко лбу указательнаго пальца, такъ какъ бы жрецы сіи помазывали оной священнымъ елеемъ, и наконецъ въ приложеніи къ тѣлу издыхающаго четокъ и перевязи. Какъ скоро умретъ раненой, то опускаютъ его въ могилу, кладутъ всегда на лѣвой бокъ и лицемъ къ востоку, какъ бы для созерцанія Пророкова гроба; послѣ всего набрасываютъ на могилу кучу камней, служащихъ памятникомъ для сихъ любохищныхъ воиновъ. Расплаканныя женщины приходя къ симъ Мавзолеямъ, катаются брюхомъ по землѣ. Ихъ тѣлодвиженія, кривлянія и испускаемые въ размѣръ вздохи, предста-

ставляютъ довольно забавное зрѣлище. Путешественникъ никогда не проходитъ мимо сихъ могилъ безъ того, чтобы не положить на нихъ своего посоха и не сотворить краткой молитвы; онъ возвышаетъ вокругъ насыпи новыя кучи камней, кои означаютъ учиненный имъ обѣтъ для успокоенія души погребеннаго.

Послѣ похороннаго обряда обыкновенно раздаются плачевные вопли по всему стану. Каждой смѣшиваетъ слезы свои со слезами огорченныхъ родственниковъ. Палатка умершаго переносится на другое мѣсто. Пожитки его вывѣтриваютъ на воздухѣ, а для утѣшенія сродниковъ и друзей его закалается самый тучный баранъ, котораго приносятъ ему какъ бы въ жертву. По окончаніи пира забываютъ они всякую злобу. На другой день послѣ сраженія многіе изъ нихъ дѣлали другъ другу посѣщенія. Одолѣвшій воинъ идетъ смотрѣть раненаго имъ наканунѣ, и разговариваетъ съ нимъ, сколь удачно умѣлъ его ударить. Всего

удивительнѣе почитаю я то, что они для излеченія самыхъ глубокихъ ранъ употребляютъ всегда одну землю и при томъ не безъ пользы. Для уврачеванія же внутренней боли или рѣза, прибѣгаютъ они къ другому средству, которой однакожъ не всегда производитъ желаемый успѣхъ, то есть, они прикладываютъ къ больному мѣсту раскаленное желѣзо. Впрочемъ сіи народы рѣдко находятся въ болѣзняхъ. Я видалъ многихъ дряхлыхъ стариковъ и старухъ, кои не подвержены были никакой слабости. Очная болѣзнь и колика приключается имъ всего чаще. Наипаче подлежатъ онымъ дѣти, сколь бы впрочемъ крѣпкаго сложенія они ни были. Они не могутъ по утру иначе развести, какъ съ великою трудностію свои вѣка. Касательно колики, сію болѣзнь надлежитъ, по мнѣнію моему, приписать зеленой ржавчинѣ, которая пристаетъ ко всему, что они ни ѣдятъ или пьютъ. Ежели сія ржа не причиняетъ имъ еще большаго злоключенія, то сіе происходитъ отъ того,

го, что они отпиваются молокомъ. Употребляемый ими мѣдной котелъ никогда не лудится. Они никогда также не моютъ посуды за недостаткомъ воды, такъ что котлы всегда покрыты зеленою ржавчиною, хотя не рѣдко трутъ ихъ пескомъ. И такъ совсѣмъ не возможно, чтобы варимое въ сихъ сосудахъ кушанье не сдѣлалось вредоноснымъ для здоровья.

Случается иногда, что поля сихъ Варваровъ покрываются обильными жатвами; но они не дождавшись созрѣнія зеренъ, пожинаютъ ихъ и сушатъ хлѣбъ на горячемъ песку, ни мало не разсуждая, что симъ способомъ лишаютъ себя изобилія, нужнаго для содержанія ихъ семейства, также и соломы, которою могли бы прокормить свой скотъ, принуждаемый весьма часто обѣдать листья изсохшихъ вѣтьвей; да и сами они неоднократно подражая животнымъ ѣдятъ траву и гложутъ верблюжьи подпруги. Я не могъ не притти въ великое сожалѣніе находя сихъ Варваровъ, ни

мало

мало не пекущимися о удобреніи земли. Они кидаютъ сѣмена между кучами камней и кустарниками, коихъ сухіе корни вбираютъ въ себя всю влагу земли, на которой дождевая вода оставляетъ способный для прозябенія илъ. Тотъ, которому поручено пахать землю, удаляется на орошенныя дождями мѣста. Онъ бросаетъ безъ разбору туда и сюда хлѣбенныя сѣмена, по которымъ проводитъ плугъ, влекомый однимъ верблюдомъ, и слѣдственно дѣлаетъ очень не глубокую борозду. Ежели небесная вода ощастливитъ сей трудъ, то всякой бѣжитъ во внутренность каменистыхъ горъ съ надлежащею ему порціею.

Проходя нѣкоторые плодоноснѣйшіе уѣзды, усматривалъ я предъ своими ногами большіе снопы, коихъ полные колосья приглашали самого зажиточнаго человѣка къ убиранію оныхъ. Другія кучи сжатаго хлѣба, наваленныя однѣ на другихъ, преданы были непостоянству погоды потому, что хозяинъ запасся уже хлѣбомъ до самаго того годова-

го

го времени, когда изобильные небесные пары упадаютъ на горы и составляютъ потоки, кои спускаясь съ сихъ горъ, наводняютъ долины. „Возможно ли, говорилъ я самъ себѣ, „чтобъ находились столь безсмысленные люди, не уважающіе милостей Провидѣнія? Сколь бы напротивъ того почелъ я себя щастливымъ имѣя таковой хлѣбъ въ моемъ распоряженіи!„ Я взялъ нѣсколько горстей сего ячменя, отдѣлилъ шелуху отъ зеренъ, растирая ихъ обѣими руками и ѣлъ ихъ съ несказаннымъ удовольствіемъ. Мнѣ казалось, что я перенесенъ былъ въ тѣ времена, когда манна упадала съ небесъ для насыщенія въ пустыни многочисленнаго народа.

У всѣхъ Араповъ, съ которыми я жилъ, не усматривается никакихъ слѣдовъ разумѣнія. Они вообще не прилагаютъ о ремеслахъ ни малаго прилѣжанія и не показываютъ никакой охоты къ познанію. Они имѣли только двухъ ремесленниковъ, на коихъ взирали съ отмѣннымъ уваженіемъ и удивлялись, что сіи пода-

дра-

дражали вЪ нѣкоторыхЪ работахЪ иностраннымЪ націямЪ; ибо они сами неспособны ни кЪ какому изобрѣтенію. Сіи ремесленники были колесникЪ да кузнецЪ, соединявшіе вЪ себѣ все знаніе той страны. Искуство перваго состояло вЪ дѣланіи деревянныхЪ чашЪ, ступокЪ и плуговЪ; но онЪ совершенно не зналЪ, какимЪ образомЪ придать сему земледѣльческому орудію болѣе ловкости и легкости вЪ паханіи. Другой ударялЪ сильными мышцами обЪ раскаленное желѣзо, коего не зналЪ ни добрыхЪ ни худыхЪ качествЪ. Часто по многократномЪ полаганіи его вЪ огонь, и по отнятіи у сего металла всѣхЪ его свойствЪ (то есть онЪ сдѣлавЪ его не способнымЪ кЪ ковкѣ), принужденЪ бываетЪ бросить его безЪ всякаго употребленія. Естьли же наконецЪ успѣетЪ онЪ вЪ своей работѣ, то представитЪ весьма грубой образецЪ того предмета, которому хотѣлЪ подражать. Сей самой ремесленникЪ обработываетЪ сЪ такимЪ же безпечіемЪ и небрежностію самые драгоцѣнные металлы.

Од-

Однажды Господинъ мой принесъ къ нему полученную отъ меня золотую цѣпочку, заказывая ему надѣлать колечекъ для своей дочери. Несвѣдущій кузнецъ по долгомъ ея разсматриваніи сказалъ, что она не золотая. Онъ сравнивалъ ее съ семиліоровою цѣпочкою, которую досталъ отъ нещастныхъ корабельныхъ служителей и полагалъ, что сей смѣшенной металлъ есть чистое золото. Для подтвержденія своего мнѣнія говорилъ онъ въ замѣчаніе, что моя цѣпочка отдавала отъ себя различной цвѣтъ, между тѣмъ какъ другая была не полирована и гораздо желтѣе. Наконецъ по многихъ сколь смѣшныхъ столь и неосновательныхъ наблюденіяхъ, рѣшился онъ положить ее въ горящіе уголья. По долгомъ раздуваніи огня удалось ему растопить цѣпочку и сдѣлать изъ нее кольцы, подобныя обручикамъ большой круглой табакерки. Его дарованію удивлялись вообще всѣ степные Арапы, и въ вознагражденіе за сіе получилъ онъ стаканъ густаго молока.

Сколь-

Сколько принималъ я мукъ, сколько переносилъ трудностей, чтобы научить Араповъ молоть ячмень и провѣвать его съ большею удобностію! Чего также я не дѣлалъ, наставляя ихъ навьючать верблюдовъ съ большимъ равновѣсіемъ, такъ чтобы не ранить сихъ животныхъ и не разбить положенныя на нихъ орудія! Мнѣ хотѣлось еще побудить ихъ къ лучшему пріуготовленію земли, къ собиранію жатвы съ большею осторожностію, словомъ, мнѣ хотѣлось учредить у нихъ во всемъ хорошій порядокъ; но при тщетныхъ моихъ стараніяхъ они были гораздо несговорчивѣе и упрямѣе своихъ верблюдовъ, да и сего еще сказать про нихъ не довольно; ибо чего я не претерпѣлъ отъ сихъ свирѣпыхъ людей въ продолженіе тринадцати мѣсяцовъ, въ которые я имъ служилъ! Какія бы кто доказательства ни приводилъ симъ тупымъ Арапамъ въ разсужденіи худыхъ ко всякому предпріятію ихъ способностей, однакожъ тому не возможно бы было вывести ихъ изъ предубѣжде-

жденій и исправить закоренѣлые ихъ навыки. Одинъ кузнецъ въ бытность мою починивалъ ружье сряду двѣ недѣли. По окончаніи же сей работы увѣдомилъ я его, что ружье было весьма худо оправлено и тотъ, которой принужденъ будетъ изъ него стрѣлять, подвергнетъ себя величайшей опасности. Всѣ предстоявшіе тутъ заставляли меня перваго учинить сей опытъ, но я отъ того отказался. Ремесленникъ по чрезмѣрному своему самолюбію захотѣлъ самъ выстрѣлить. Въ одну минуту оторвало у него челюсть и часть руки. И такъ по видѣнному мною я могу за подлинное утвердить, что неискуство сего оружейника причиняетъ имъ болѣе ранъ, нежели сколько они могутъ получить оныхъ на войнѣ.

Арапы многократно покушались узнать, нѣтъ ли между нами искуснаго оружейника. Меня перваго подозрѣвали таковымъ по причинѣ учиненныхъ мною наблюденій. Огнестрѣльныя мѣлкія орудія ихъ нахо-

 дятся

дятся въ самомъ худшемъ состояніи. Ружья привозятъ къ нимъ по большой части Арапы Таргейскаго поколѣнія, мѣняя оныя на верблюдовъ. Нѣкоторыя орды достаютъ ихъ изъ кораблей, разбившихся отъ бури при Африканскихъ берегахъ; наконецъ получаютъ ихъ такъ же изъ Марокка. Сіи послѣдніе ружья бываютъ гораздо крѣпче, но столь неудобны для скораго рукодѣйствованія, что имъ часто предпочитаются Европейскія, а особливо двузарядныя ружья. Нѣтъ ни одного Арапа, которой бы не согласился заплатить за одно таковое орудіе Христіанскаго невольника. Когда настоитъ нужда въ починкѣ оныхъ, то употребляютъ на то унесенное изъ кораблей желѣзо. Я сперва удивлялся, съ какимъ порываніемъ разбивали они бочки съ водкою, для снятія съ нихъ желѣзныхъ обручей, и не думалъ, чтобъ такое худое желѣзо употребили они на ружейное дѣло. Ежели сей металлъ и ружья кажутся для нихъ весьма драгоцѣнными, то надобно думать, что кремни, пу-

пули, свинецъ а особливо порохъ, состоятъ у нихъ еще въ большемъ уваженіи. Они умѣютъ довольно различать хорошой порохъ отъ худаго, и въ небольшомъ городѣ Гуаднумѣ заготовляется онаго очень много. Но сей порохъ весьма крупенъ и столько не хорошъ, что производитъ всегда медлительное дѣйствіе, а часто и никакого. Онъ мараетъ и покрываетъ ржею желѣзо, которое, за недостаткомъ деревяннаго масла, принуждены бываютъ натирать коровьимъ.

Выключая тѣхъ преступленій, кои стараются сіи народы учинить ночью, они никогда не скрываютъ своихъ дѣйствій. Хочетъ ли кто нибудь изъ нихъ предпринять долгое путешествіе, тотъ увѣдомляетъ о своемъ намѣреніи цѣлой станъ, и жители собираются для подаванія путешественнику совѣтовъ. Каждой примолвитъ тутъ свое словцо, даже самые четырнатцатилѣтніе ребята говорятъ съ такимъ же увѣреніемъ, какъ и старикъ, предлагающій важное дѣло. Сіи сношенія, имѣющія

цѣ-

цѣлію только то, чтобы одобрить или не похвалить преднамѣреваемаго пути, продолжаются иногда по цѣлому мѣсяцу. То же самое разглагольствіе случается всякой разъ, когда нужно перемѣнить лагери, или отвести верблюдовъ на морской берегъ. Сія послѣдняя статья, какъ небезтрудная къ рѣшенію, занимаетъ очень долго головы по причинѣ отдаленія и лишенія молока, которое надлежитъ сносить до возвращенія животныхъ. Въ такомъ случаѣ Арапы, не отправляющіе на берегъ своихъ верблюдовъ, безъ сомнѣнія ссужаютъ молокомъ имѣющихъ въ ономъ нужду, по пословицѣ: „долгъ „красенъ платежемъ„. Радость ихъ никогда такъ не обнаруживается, какъ при возвращеніи оттолѣ верблюдовъ, кои навьючены бываютъ козьими мѣхами, наполненными водою; и хотя сія вода получаетъ дорогою чрезвычайно непріятной вкусъ и запахъ, но она столь рѣдка, что ее пьютъ вмѣсто лимонада съ великимъ аппетитомъ.

Вѣ Европѣ всѣ люди вообще думаютѣ, что ежели не дашь собакѣ пить, то она взбѣсится: но вѣ Африканскихѣ степяхѣ, по причинѣ знойнаго климата, сіи животныя со всѣмѣ ничего не пьютѣ и питаются однимѣ только изверженіемѣ. Верблюды проживаютѣ иногда цѣлые четыре мѣсяца не видя ни капли воды: козы и овцы пьютѣ и того меньше. Наконецѣ ежели бы Арапы не держали у себя лошадей, то можетѣ быть никогда бы не ѣздили за водой. Они ожидали бы того времени, когда она упадаетѣ сѣ неба. Дожди, кои обыкновенно настаютѣ вѣ Октябрѣ мѣсяцѣ, распространяютѣ вездѣ всеобщую радость; вѣ сіе время происходятѣ празднества и ликованія. Вы не можете представить себѣ идеи повсемственнаго удовольствія, вы, которые никогда не испытали сего оскудѣнія!

Мужѣ не можетѣ развестись сѣ своею женою, не получа на то позволенія отѣ старшинѣ селенія или стана, кои почти никогда сему не возбраняютѣ. Сѣ женщинами еже-

дневно поступаютъ тамъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Онѣ никогда не называются именемъ мужей, но сохраняютъ данное имъ имя при рожденіи. Дѣти не принимаютъ также фамильнаго названія своего отца. Во всѣхъ почти извѣстныхъ мнѣ станахъ находилось только четыре или пять разныхъ именъ. Арапы различаются по большой части званіемъ своего поколѣнія и по какому нибудь прозвищу. Когда Арапъ отлучается въ дальнюю дорогу, то супруга его простившись съ нимъ, провожаетъ его за двадцать шаговъ отъ своего жилища. Послѣ сего беретъ она камень, которымъ вбиваетъ колья у палатки, и зарываетъ его въ песокъ до самаго его возвращенія. Такимъ - то образомъ изъявляетъ она свои желанія въ разсужденіи щастливаго его путешествія.

Хотя сіи женщины очень нескромны въ своихъ разговорахъ и тѣлодвиженіяхъ, однакожъ онѣ вѣрны своимъ мужьямъ. Я никогда не могъ сообразить оказываемой ими нѣжно-

сти

сти къ дѣтямъ своимъ и того мучительства, помощію котораго ихъ исправляютъ, а особливо дѣвокъ, весьма холодныхъ къ отцу и матери. Но не смотря на сію дочерей холодность, они всегда истощеваютъ на нихъ все свое богатство, украшаютъ ихъ уши, руки и ноги золотыми и серебреными кольцами. Они столь много кладутъ примѣси въ сребро свое, что его можно почесть убѣленною мѣдью. Но богатые люди употребляютъ всегда сей послѣдній металлъ.

Ничто не можетъ сравниться съ радостію жены и мужа, когда у нихъ родится мальчикъ. Справедливо утверждаютъ, что роженица не имѣетъ нужды ни въ Акушерѣ ни въ повивальной бабкѣ во время разрѣшенія отъ бремени. Она лежитъ растянувшись по песку, износитъ изъ утробы на оной своего младенца, принимаетъ для подкрѣпленія силъ каплю молока и спитъ на голой землѣ въ дурной палаткѣ, которая не предохраняетъ ее отъ непостоянства погоды.

Всякая женщина, родившая сына, подчернивает своe лице для изъявленія радости чрез сорок дней. При рожденіи же дочери пачкает она только половину лица и то чрез двадцать дней. Ежели бы сіи бѣдные дѣти могли видѣть мерзкую фигуру своей матери, то никогда бы не осмѣлились приближиться к ея груди. Я рѣдко видал в жизни своей столь страшное и отвратительное зрѣлище.

Взирая на безмѣрную жестокость, с которою сіи женщины колотят своих грудных дѣтей, я всегда содрогался. Онѣ усыпляют их кулачными ударами по спинѣ, а для воспрепятствованія, чтоб дѣти не плакали, щиплют пальцами их тѣло. Нѣкоторыя из сих безчеловѣчных матерей отлучались (в бытность мою) из палатки в самый день их разрѣшенія. Онѣ переѣзжали в другой лагерь на пятнатцать или двадцать миль. В таком случаѣ сажают их без всякаго разбору в нѣкоторую колыбель, которая ставится на самом верь-

верьху верблюжьяго груза. Какъ въ семъ положеніи бываютъ онѣ видимы отъ всего народа, то стараются наряжать себя и перещеголять одна другую. Для сего убираютъ верблюдовъ по бокамъ бантами, сдѣланными изъ матеріи алаго цвѣта и изъ бѣлыхъ лоскутьевъ. Четыре палки, составляющія четвероугольникъ колыбели, украшаются серебреными или позолоченой мѣди листами.

Жены обыкновенно выпаскиваютъ колья у палатокъ, когда мужья ихъ вознамѣрятся перенести станъ на другое мѣсто. Онѣ навьючаютъ верблюдовъ подъ смотрѣніемъ своихъ хозяевъ. Когда мужъ садится на лошадь, жена подаетъ ему стремя; по томъ въ знакъ покорности повергается на землю, и часто себя зашибаетъ. Но сей свирѣпой супругъ ни мало симъ не трогаясь, требуетъ отъ нее, чтобъ по пріѣздѣ его изготовила она ему чашу или большой стаканъ густаго малока.

Однажды я былъ очень раздосадованъ увидя, какъ одинъ небогатой Арапъ, не имѣющій у себя лошади,

 несъ

несъ на себѣ тяжелую поклажу. Онъ уронилъ ее на землю и приказалъ подымать безсильнымъ своимъ женамъ, а между тѣмъ самъ легъ безпечно отдыхать за кусты. Нѣтъ ничего надменнѣе какъ Арапъ съ своею женою; нѣтъ также ничего униженнѣе, какъ жена въ присутствіи своего мужа; ибо ей не позволяется вмѣстѣ съ нимъ обѣдать. Какъ скоро подастъ она на столъ всѣ кушанья, то отходитъ въ сторону и дожидается тамъ до тѣхъ поръ, пока тираннъ не позоветъ ее для подобранія остатковъ или крохъ.

Арапъ не можетъ безъ нарушенія учтивости войти въ палатку своего сосѣда, для какой бы то причины ни было. Онъ выкликаетъ его вонъ, и женщина, услышавшая его голосъ, тотчасъ накрываетъ свое лице, равно какъ и во всякое другое время, когда проходитъ она мимо мущины съ обнаженною головою. Мужъ не сохранилъ бы своей должности, ежели бы вошедъ въ свою палатку, растянулся на женниной цыновкѣ. Онъ можетъ пользоваться сею милостію

стію тогда только, когда она спитЪ или лежа отдыхаетЪ. ВпрочемЪ Арапы во время беременности своихЪ женЪ обходятся сЪ ними довольно ласково. Рѣдкое сыщется семейство, вЪ которомЪ бы не было пяти или шести дѣтей; и какЪ у АраповЪ позволено многоженство, то легко себѣ вообразить можно, сколь многолюдны должны быть ихЪ становища. Но между многими сверстницами или женами ревнивость совсѣмЪ не примѣтна: Иногда всѣ онѣ живутЪ вмѣстѣ подЪ одною палаткю, взирая хладнокровно на обЪятія своихЪ мужей.

Виталище, назначенное для принятія двухЪ новыхЪ супруговЪ, украшается небольшою бѣлою занавѣскою. У жениха обвязываютЪ лобЪ перевязью такого же цвѣта. ПервымЪ ли онЪ сочетавается бракомЪ, или пятымЪ, всегданоситЪ на себѣ знаки дѣвственности, сколь бы впрочемЪ старЪ ни былЪ. ВЪ день свадьбы супругЪ приказываетЪ убить верблюда для потчиванія гостей. Бабы и дѣвки собираются во кругЪ бара-

бан-

банщика и становятся безъ всякаго порядка. Сей гудецъ сидя на землѣ, ударяетъ одною рукою по орудію, а другою дѣлая нѣкоторой родъ трубы, соединяетъ ужасной крикъ съ барабаннымъ звукомъ и съ брецаньемъ желѣзной цѣпи, потрясаемой имъ тоюже рукою. Одна женщина пляшетъ по звуку сихъ инструментовъ. Не сходя съ мѣста подражаетъ она музыкѣ руками, головою и глазами. Тѣло ея находится въ непонятномъ движеніи. Размахивающіяся ея руки производятъ различныя и непристойнѣйшія тѣлодвиженія. Всѣ зрители ударяютъ въ ладъ рукою. Они вообще выпятивъ шею, и ротъ переворачивая то на ту, то на другую сторону, дѣлаютъ тысячу кривляній, на которыя плясунья отвѣчаетъ съ удивительною точностію. Она оканчиваетъ скачки свои сладострастнымъ наклоненіемъ на музыканта. Тогда звуки инструмента умѣряются, глаза актрисы сжимаются въ половину, она давитъ свои груди и все изображаетъ въ ней силь-

сильную страсть. . . Но не возможно описать, сколь съ безпристрастнымъ видомъ игравшая сію сцену женщина, соединяется съ своими подругами. Молодые ребята дѣлаютъ такъ же кругъ, посреди котораго одинъ стоитъ изъ нихъ на одной ногѣ, а другою обороняется отъ причиняемыхъ ему ударовъ; первой изъ ударившихъ занимаетъ его мѣсто. Впрочемъ кромѣ сей ловкой игры, Арапы никакой другой не знаютъ.

На другой день свадьбы разлучаютъ новобрачную отъ ея супруга. Подруги ея доставъ себѣ воды, моютъ ее отъ пояса до ногъ. Онѣ разчесываютъ и заплетаютъ ея волосы, обкусываютъ ногти и наряжаютъ ее въ сукно. Ежели молодая не столько богата, чтобы могла оное купить, то ссужаютъ ее симъ нарядомъ до окончанія пиршества.

Я всегда почиталъ баснею всѣ разсказы, слышанныя мною въ разсужденіи ихъ грудей; но я вышелъ изъ моего заблужденія, какъ скоро увидѣлъ собственными глазами одну

Арап-

Арапку, которая досадуя на свое дитя, ударила его однимъ сосцемъ съ такою силою, что оно упадши растянулось на землѣ.

Едва лишь дитя мужескаго полу начнетъ ходить, какъ мать его обходится съ нимъ съ такимъ же почтенiемъ, какъ и съ своимъ мужемъ, то есть, готовитъ для него кушанье и сама ѣстъ послѣ него. Тальба, обучающiй дѣтей читать и писать, говоритъ имъ громкимъ голосомъ, и дѣти твердятъ всегда одно и тоже, отъ чего происходитъ нестерпимой крикъ. Образцы, съ которыхъ заставляютъ ихъ списывать, начертаны бываютъ на тонкихъ деревянныхъ дощечкахъ. По выписанiи одного урока, замарываютъ образецъ и пишутъ другой. Вмѣсто пера служитъ имъ небольшой прутикъ, обдѣланный наподобiе карандаша. Цыфры ихъ довольно походятъ на наши.

Судя по учиненному мною описанiю сихъ варваровъ, сколько я долженъ былъ желать возвращенiя въ мое отечество! Многiе сожалѣютъ

оста-

оставляя свои привычки; другіе плачутъ разлучаясь съ своими друзьями; иные досадуютъ позабывъ носовой платокъ или не могши черезъ двое сутокъ обрить своей бороды; а я бывъ невольникомъ, бывъ обнаженнымъ, ежеминутно угрызаемъ и обезпокоиваемъ всякими гадами изъ роду насѣкомыхъ, ободранъ по всѣмъ частямъ моего тѣла и спавъ на горячемъ или на мокромъ песку во время четырнадцати мѣсяцовъ, не долженствовалъ ли переносить многія досады, многія оскорбленія и муки? — О Божественное Провидѣніе! ты единое укрѣпляло меня въ искушеніяхъ; я тебѣ жертвовалъ моими страданіями, теперь отъ тебя буду ожидать и вознагражденія!

КОНЕЦЪ.

ПОГРѢШНОСТИ

Напечатано		*Читай*
Стран.		
20	у СтариковЪ -	у старшинЪ
42	склонишь его кЪ себѣ милость	склонишь его кЪ себѣ на милость
49	тотчасЪ же -	тотчасЪ сїе.
55	такЪ лишь дожди	тамЪ лишь дожди.
—	поступаютЪ вЪ походЪ	вступаютЪ вЪ походЪ.
63	вЪ ГдаднумЪ -	вЪ ГуаднумЪ.
77	отозваться Министру	отозваться кЪ Министру.
86	збросилЪ на песчаную кучу за десять отЪ себя шаговЪ тотчасЪ	збросилЪ на песчаную кучу за десять отЪ себя шаговЪ. ТотчасЪ
111	хорешею -	хорошею.
— 138	о 24, и 36 и 48 -	о 24, о 36 и 48